

Литературный клуб Исеть

Курган

НИКТО НЕ ЗАБЫТ!

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Стихи и Проза

2020

Курган

Стихи и Проза

НИКТО НЕ ЗАБЫТ!

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Авторы

Николай Покидышев

Ольга Рыжова

Светлана Бажина

Покидышев Николай Александрович

Родился 10 октября 1949 года в городе Каменск-Уральском Свердловской области.
Член Союза писателей России с 2008 года
Руководитель поэтического клуба «Сонет»

Стихи и Проза

Из книги «Осколок в памяти»

Книга опубликована в 2011 году, г.Курган

**«70-летию начала Великой Отечественной войны,
70-летию начала блокады Ленинграда,
всем, кого опалило военное лихолетье,
посвящается»**

Война, которой не забыть

Война – это слово для многих из нас с самого раннего детства, наверное, стало следующим после «мама» и «папа». Не к каждому вернулся папа.

Мы росли среди последствий войны – ведь не прошло и пяти лет после её окончания, как мы появились на свет. Мне, семилетнему, отец показал дом своей сестры Анны Дмитриевны в Крюково – не в воспетой в песне деревне Крюково, а в станционном посёлке. Во время боёв за Москву тот дом стоял на рубеже между нашими и фашистскими окопами. С западной стороны он был изрешечён вражескими пулями, с восточной – пулями защитников столицы...

Мы жили среди последствий войны всегда. Их можно было не только видеть, но и трогать руками. В 1975 году мне пришлось служить в Минске. Там, в сквере около одной из центральных площадей города, во время оккупации, фашисты устраивали публичные казни мирного населения через повешение. Те места на ветвях деревьев, где крепили верёвки, за тридцать лет не смогли зарости корой, и оставались видны невооружённым глазом ...

Я прикасался к коре тополей на месте бывшего концлагеря Тростянец. Созданный после оккупации Минска для советских военнопленных, он просуществовал практически до подхода наших войск.

Наступление было стремительным, и у фашистов не осталось времени на плановую ликвидацию. Ликвидировали лагерь поспешно и с неподдающейся пониманию бесчеловечностью: выкопали бульдозерами траншеи, на краю траншей партию за партией ставили военнопленных и торопливо расстреливали. Тела убитых и раненых лопатами бульдозеров стаскивали в траншею. Потом разровняли землю на месте преступления... Тополя здесь выросли огромные...

Я прикасался к израненным стенам Кобринского редута в Брестской крепости, к свисавшему сосульками кирпичу во внутренних капонирах, откуда защитников выжигали огнёмётами. Я гладил в Ленинграде стену дома с памятной надписью «Эта сторона опасна во время артобстрела». На Пискаревском кладбище мне не хватило бы дня, чтобы прочитать фамилии всех захороненных. Но я искал одну: фамилию старшего брата отца с инициалами В. Д. – Василий Дмитриевич...

Семьдесят лет прошло с июньского утра сорок первого года. Семьдесят лет прошло с 8 сентября 1941 года – Дня начала блокады Ленинграда. В каждой семье своя память о войне...

С ней трудно жить, но прошлое не изменишь. Прошлое не изменишь, но забыть прошлое – значит, предать его. Печальная дата – начало Войны. И, всё-таки, самым важным для всех солдат, не вернувшихся с неё, и для тех, кто вернулись, но не дожили до сегодняшнего дня, для всех нас, да пребудет всегда наша Память о них...

21 июня 1941 года

Сегодня в ночь обрушится война
На старый Брест, на Холмские ворота.
На смертный бой поднимется страна
И первой в бой опять пойдёт пехота.

Бессчётных пушек рявкнет хриплый бас,
Взрочучут танки, взмоют самолеты.
Рванутся корабли, меняя галс,
Во все моря на жуткую охоту.

Эфир взорвется криком позывных
И воздух раскалится от снарядов,
И будет смерть подряд косить живых,
И станет каждый миг страшнее ада.

Четыре года! – битвы тяжкий ад:
Без продыха, жестокий и кровавый.
Но до сих пор везде огни горят –
Огни бессмертных подвигов и славы.

Но до сих пор пропавших свято ждут,
Во здравие в церквях им ставят свечи.
Об убиенных слёзы так же жгут
Глаза и сердце – если плакать нечем.

Всё так же память на войну ведёт,
И беспощадней добивают раны.
И всё внутри невольно вдруг замрёт,
Когда июнь и день – с тем утром ранним...

Сегодня в ночь обрушится война.
Ну, а пока и лист не колыхнётся.
Последний час над миром тишина
И живы все, кто с битвы не вернётся!

Ленинграду

Сорок первый двадцатого века.
В Ленинграде – июньская ночь.
В белый сумрак распахнуты веки
Статуй Летнего сада. Точь-в-точь

Также смотрят скульптуры безглазо
На Варшаву, Париж и Берлин.
Сколько войн они видели разных!
Но такую – лишь ты один,

Ленинград – наша гордость и слава,
Ленинград – наша вечная боль,
Из Героев Герой по праву,
Поклониться сегодня позволь

До земли, что пропитана кровью,
Защищавших тебя бойцов:
Встанут снова с Блокадою вровень
Юность, раны наших отцов.

Встанут с первой суровой зимою
Тени страшные: голод, цинга.
И обрушатся с жутким воем
Сотни бомб с самолётов врага...

И с трудом, по сугробам, с винтовкой,
Встанут роты на встречный бой
Из промёрзших до звона окопов,
Город свой заслоняя собой...

Ленинград! Извини, что тревожу:
Поздно, ночь, может, спишь уже.
С каждым годом ты всё дороже
И роднее ещё душе!

Но туда, в сорок первый далёкий,
Всем, кто жили и жив сейчас,
Может, ты передашь мои строки
В предрассветный июньский час?..

22июня

1

В рассвете с вчерашних танцев
Спешил паренёк домой,
Мечтал в выходной отоспаться –
Счастливым и молодой.

Мечтал о новом свидании,
О нежных, желанных губах,
Целованных только в тайных
Самых смелых мечтах.

Он шёл со вчерашних танцев
Сквозь хрупкую тишину...
Под Брестом фашистские танки
Уже ворвались в страну.

Уже грохотали взрывы,
Горели деревни; шёл бой.
А танки рвались торопливо,
Сжигая из баков газойль.

Дым чёрный вздымался густо.
У танков – железная прыть.
В сожжённой деревне грустно
«Журавль» над колодцем скрипит.

А ветер то гонит пепел,
То брякнет пустым ведром.
Вчера здесь смеялись дети
И каждый спешил в свой дом...

2

Сколько по русским равнинам
Сожжённых, разрушенных мест!
Сколько родных и любимых
В могилах безвременных здесь!

В полях отгремевших сражений
Следов почти не найти.
...Где-то в сожженной деревне
«Журавль» сиротливо скрипит.

Где наш паренёк, что с танцев
Спешил поутру домой?

Лежит он в могиле братской?
А может поныне живой?

И в мирном июньском рассвете
Страшного эха набат
К той, самой любимой на свете,
Зовёт в сорок первый назад?..

З
Двадцать второе. Вечер.
Давно отгремела война...
Сердцу заплакать нечем:
Выжжено горем до дна.

Только лишь боль сухая,
Горькая, горькая боль,
Из памяти не стираясь,
Въелась крепче, чем соль.

С рождения боль, навеки.
Ударит нежданно под дых.
А ветер гоняет пепел
На месте сражений былых...

Вечер 22 июня 2010 года

Солдатский медальон

...Приказом Народного Комиссара Обороны
Союза ССР №138 от 15.03.41 г. были введены
медальоны в виде текстолитового пенала с
вкладышем из бумаги...

Я зарядил последних шесть патронов.
Боезапас уже не подвезут.
Сползает солнце вниз по небосклону.
Упорно фрицы к нам опять ползут.

Нас только двое и одна граната,
И у Серёги меньше на патрон.
Весь взвод полёг, но продержаться надо
Пока свой фланг подтянет батальон.

Нам на двоих и сорока нет полных:
Такой уж выпал сорок первый год.
К земле прижавшись гимнастёркой потной,
От глаз, со лба стирая грязный пот,

Серёга улыбнулся вдруг: «А знаешь,
Не зря мы здесь и в крови, и в пыли
Лежим сейчас. Однажды, в мирном мае,
Придут сюда и спросят: – Как могли

Полдня держаться два почти мальчишки,
Когда весь взвод в бою уже полёг?
А я тебе шепну: «Васяня, слышишь? –
И жаворонок в небе запоёт...»

... На месте том нашли два медальона.
В одном – записка, скрученная в жгут:
«Я зарядил последних шесть патронов.
Боезапас уже не подвезут...»

Осколок в памяти

Посвящается памяти наших отцов

** ** *

Война...

Если бы кто-то спросил, когда она впервые коснулась сознания моих сверстников, то, наверное, никто не смог бы вспомнить. Нас, родившихся через четыре года после Победы, всё оставленное Войной, окружало с первых минут жизни. Ко мне это относится буквально. Роддом, в котором я появился на свет, располагался в бараке постройки 1941 года, ровеснике нашего рабочего посёлка. У эвакуированного из-под Москвы в Каменск-Уральский Ступинского металлургического завода строить другое жильё тогда не было возможности. И называться завод стал по-другому: «Почтовый ящик № 4». Вернее, в посёлке, кроме барачков, было ещё немного частных домиков с довоенной поры, но эвакуированные и прибывающие из госпиталей фронтовики получали направление во «временное жилое строение», как именовались в официальных документах бараки, спешно строившиеся один за другим.

То ли по недогляду кого-то из медсестёр, то ли по какой другой причине, но несколько детей, в том числе и я, простыли и заболели воспалением лёгких. Потребовалось переливание крови. Папина кровь подошла по группе, и мне переливали её. Сколько раз – не знаю, но когда я уже подросток, папа говорил порой: «Смотри, не подводи! В тебе литр блокадной крови!» Самые ранние разрозненные отрывки из детской памяти, наверное, от первой поездки с папой и мамой на родину отца – на Рязанщину.

... Мне почти четыре года. Поздний летний вечер в деревенском доме. При полуприглушенном свете керосиновой лампы, на кухне, около огромной печи, какой я ещё не видел, за столом сидят папа и один из его старших братьев – Михаил: в войну капитан, артиллерист, а сейчас – учитель математики сельской школы. Расположившись рядом на лавке, сквозь дрему, я слышу голос дяди Миши: «... Помню, что бой был тяжёлый: они били из своих орудий по нам, мы – по ним. На батарее – грохот от стрельбы, взрывы впереди и где-то сзади. Вдруг один такой оглушительный, будто в меня самого попало... А больше ничего не помню. Очнулся уже в плену. Два раза бежал из концлагеря. В последний – удачно. Дней пять мы с другом лежали в болоте, ждали наших. Довоевать дали, награды есть, а дальше деревни жить нельзя... Как вспомнишь!.. Российская империя!..»

«Российская империя!..» срывалось у него сразу же, как только начинал волноваться. Я не знал, что такое «Российская империя», но перебивать старших не решался. Другой вечер, что всегда помню.

Бабушка Дарья, здесь же, на кухне, процеживает парное молоко и рассказывает маме: «... Как немец к Москве подошёл, Ванюшу, зятя, на фронт забрали, а Наташенька, доченька, на девятом месяце, к нам в деревню подалась. Добраться-то от Москвы добралась, да простудилась. Родила Володеньку, внука, тут и скончалась. Думали: «Что отцу на фронт напишем?» А писать-то уже некому было – убили Ванечку в эту же зиму, под Москвой. А Володенька рос сначала у меня, а потом у другой моей дочки. Её, как тебя, Анютой звать. В Москве сейчас живут...»

Ещё одно из ярких воспоминаний. Мне около пяти лет. Мы с ребятами играем, спрятавшись в тень от нашего нового двухэтажного дома по улице Западной, 5. Среди слепящего летнего дня, задышающегося от густого аромата цветущих во дворе клумб,

листьев клёнов и тополей, буйной травы, растущей сразу же за краем тротуара, на скамейке у подъезда сидит отец Вальки Майорова дядя Петя в своём латаном-перелатаном старом армейском кителе и с неизменными костылями. На землю он опирается одной ногой, а вместо второй – пустая штанина, подвёрнутая за поясной ремень. Фронтовик курит «козью ножку» и, улыбаясь, подставляет лицо солнечному теплу.

Сегодня ему принесли пенсию. Через некоторое время рядом появляется его жена и громко, на весь двор, зовёт своих детей: «Люська! Валька! Галька! Идите есть картошку жареную – и, оглядев окружающих её соседей, победно завершает – с мясом!»

У Мещеряковых и Конычевых, наших соседей по коммунальной квартире, отцы погибли. У одного осталось трое, у другого четверо детей, и жёны в одиночку растят их. У Володи Румянцева, моего одноклассника, из квартиры над нами, погиб дядя – Иван Иванович Баток. В каждой семье не стало кого-то из родных. Воевали отцы, но всё пережитое ими с рожденья окружало нас. Оно впитывалось нами из разговоров родных между собой; из их разговоров с друзьями, тоже прошедшими фронты, госпитали и военный тыл с его трудовым фронтом. Впитывалось из случайно оброненных фронтовиками фраз, из всего видимого вокруг в тесном мире коммунального жилья и за его стенами, и, казалось, из самого воздуха, которым мы все тогда дышали...

Отцы вспоминали о войне, а мы слушали...

Слушали ещё дошколятами, сидя на папиных коленях, слушали в школьные годы и уже повзрослевшими, во время редких приездов в родительский дом... И не один раз, и не от одного фронтовика слышали слова: «Это же книгу надо писать, чтобы все знали...» Но из тех, кого я знал, ни один не написал такую книгу. Не то, что писать, они и говорить долго о Войне не могли...

А тех, кто вернулся, сегодня догнали раны и безжалостное Время. С ними ушла их память о Войне. Но часть своей памяти они оставили нам. У меня уже седая голова, а я всё не могу решить: имею ли право говорить об их Войне? Дано ли мне оно по праву сыновнего долга? Но жить с невысказанным грузом такой памяти очень тяжело. Наверное, это тоже каждый решает по-своему. Я решил попытаться пересказать эпизоды воспоминаний отца о войне.

1

...Ты спрашиваешь, сын, как я оказался в войну в Ленинграде? Тогда, наверное, начинать нужно с самого начала, с моего рождения: уж очень, как мне кажется, одно за другое цепляется. Даже о самом рождении моём мама, твоя бабушка Дарья, без улыбки вспоминать не могла.

По её словам, они с отцом в то время пристрой из самана к дому делали: копали глину на реке, накладывали на телегу, привозили во двор, сгружали и опять на Молву, речку нашу. Сколько телег привезли, мама не помнила, но вдруг почувствовала: всё, начинается – не первенца рожала, я уже двенадцатым был. Вот она и говорит папе: – Митя, не могу больше, рожаю. А папа в ответ: – Даша, подожди немного. Давай ещё один возок нагрузим...

Так я и родился около речки. В то время в нашей Мурзинке было 75 дворов. Она считалась не самой маленькой из ближних деревень: в Луканетках насчитывалось 40, в Харламовке 50, и только во Владимировке было около 300 дворов. Трудно жили, что там говорить. Вроде и работали и старшие и младшие, а каждый раз думали: как зиму пережить, чтобы запаса хватило? Помню, когда коллективизация была, на ночь в

каждый дом определяли одного уполномоченного, чтобы доглядывал за хозяевами. И в наш дом определили. Сидят папа с мамой, разговаривают тихо: что же делать? Если хлеб отдать – хоть по миру иди, чем детей кормить? А уполномоченный с лавки: – Вы, хозяева, делайте, что вам нужно. Считайте, что меня нет. Родители опять думают-гадают, как быть: если послушать уполномоченного – вдруг завтра сам же их и сдаст в тюрьму? Не послушаться – тоже не лучше...

Решили спрятать на свой страх и риск. В хлеву, прямо под лошадьми, вырыли яму и туда положили шесть мешков зерна, остальное сдали. Утром пришли, уполномоченного спросили как дела. Он ни слова о спрятанном зерне не сказал. Поискали немного, ничего не нашли, забрали выставленные мешки и уехали. Вот так и спаслись. Мама потом, уже вечером, говорит: – Мить! А мы даже имени-то уполномоченного не знаем: за кого Бога молить?.. Потом был тридцать третий с голодом, а следом тиф брата Ваню унёс: тому только девятнадцать исполнилось.

Почему-то ещё одна история запомнилась. Это уже в колхозное время. Жил у нас на другой улице Митька с уличным прозвищем «Колчак». Работал трактористом – важная на деревне специальность, в трактористах всегда нужда. А местный врач у него вдруг обнаружил туберкулёз и дал направление в больницу в Рязань. А тогда ещё МТС1 были объединённые. Вызвали врача в райком и выговорили ему: – Уборочная в разгаре, а ты тракториста – в больницу. Вот кончится уборочная, тогда и отправляй! Врач вернулся, вызвал к себе Митьку, забрал у него направление в больницу и выписал таблетки. Через несколько месяцев Митька умер. После смерти Митьки его мама при встречах с односельчанами говорила: – Врач-то наш поначалу отделаться хотел от Митеньки, в Рязань отправлял. Потом смилостивился, таблетки выписал, лечить начал, да Божья воля вмешалась! А за врача я молюсь, и молиться буду!..

После тридцать четвёртого дела в нашем колхозе стали заметно хуже: всё меньше стали получать колхозники за трудодни, хотя работали понастоящему, никому и в голову не приходило улынивать, прятаться за спину другого.

«Первую заповедь колхозника», план обязательных поставок государству – а это от четверти до трети урожая, как район прикажет – нужно было выполнять. Да ещё и МТС за обработку полей колхоз плати...

Нашей семье было немного полегче, чем другим: всё-таки старшие дети жили и работали в Москве, а самый старший, Вася, – в Ленинграде. Помогали, как могли. Родители овец несколько штук держали, птицу. Самая это морока гусей и уток пасти: чуть заигрался, а они по реке уже километра за два уплыли – беги берегом, догоняй...

Семилетки в нашей Мурзинке не было. Вот и отвозили на постой за километров семь с лишним в другую деревню – в Кумино. Время от времени папа привозил продукты: для нас и хозяевам в оплату за угол. Учился я с удовольствием. Когда уже заканчивал, папа говорит: – Давай, сынок, просись учиться дальше, в городе. Там не пропадёшь и к братьям поближе. Дали мне в сельсовете справку на получение паспорта, направление на учёбу и поехал я в Москву: тогда наш район в Московскую область входил. Поступил в школу фабрично-заводского ученичества² при Московском электромеханическом ремонтном заводе. На этом заводе делали двигатели для электровозов. Дисциплина в школе была строгая, учили по-настоящему, тройка не считалась за оценку. Преподаватели говорили: – Двигатель, собранный плохим специалистом – это гарантия рекламации на продукцию. А рекламация – это брак в работе. Никаких опозданий на занятия или в общежитие вечером без уважительной причины не признавалось; за грубые нарушения дисциплины наказывали вплоть до отчисления. Но и опекали своих выпускников даже после

окончания школы. Мастера, обучавшие нас два года, приходили на завод, интересовались как дела у каждого, чем помочь могут. Ты, может, не поверишь, но у бригадиров спрашивали как про детей малых: ходим ли в обед в столовую, не перебиваемся ли всухомятку? Приходили и в заводское общежитие, смотрели: в каких комнатах живём, кто соседи; узнавали у коменданта: нет ли на нас жалоб, радовались хорошим отзывам о нас. Как оказалось и заводские специалисты за нами внимательно наблюдали. Однажды, во время перекура, подходит ко мне начальник участка Баладжан и просит закурить. Я даю ему папиросу, а он, раскуривая её, так спокойно, как всегда на «Вы», говорит: – Товарищ Покидышев. Замечаний по работе у меня к Вам нет. Но вот я уже не первый раз нарочно спрашиваю у Вас закурить, и что же вижу? Курите Вы дорогую марку «Пушка». Я получаю больше Вас, но не могу себе позволить такие папиросы. Смотрю, опять пакетик с пирожками с собой, а столовая рядом. Не дело это!..

Запомнил я тот урок отношения к подчинённым.

... Уже после войны, когда заехал я на завод, встретил меня Баладжан как родного сына, звал в свой цех, спросил, где и кем работаю. – Да, – сказал, – с оборонного предприятия так просто не отпускают...

Я любил свой завод и свои электродвигатели: ведь мы их собирали для первых электровозов в стране. Я жил в столице. В спортивной форме два Первоя маршировал по Красной площади мимо трибуны Мавзолея, на которой стоял Сталин. Накануне праздника нам выдавали по погоде белые майки или свитера, белые брюки и парусиновые теннисные туфли. Для ослепительной белизны туфли ещё с вечера мы начищали увлажнённым зубным порошком и оставляли сушиться...

В мае тридцать девятого меня призвали на срочную службу и направили в полковую школу Второго полка связи Ленинградского Военного Округа 3.

Я сразу влюбился в этот город: в первом же увольнении, когда поехал в гости к старшему брату Василию. Я ходил по ленинградским улицам, пока ноги не начинали гудеть. Вместе с другими курсантами назначал свидания своей девушке у знаменитых Пяти углов; смотрел и не мог насмотреться на белые ночи...

А сколько километров отмаршировали мы по Дворцовой площади, пока готовились к праздничным парадом!.. Отмаршировали не в сапогах, их ещё не выдавали, а в ботинках с обмотками, которые разматывались на ходу именно во время прохождения мимо начальника школы...

С какими ребятами пришлось вместе служить и учиться! Где они сейчас, мои тёзки: Саша Блинов, Саша Серебренников и Шура Бруква?.. Бруква – это его прозвище, потому что он никогда не мог чисто произнести слово «брюква» из-за своего белорусского выговора. А настоящую его фамилию я называть не буду. Когда через несколько месяцев после начала учёбы мы стали пооткровеннее в своих рассказах о гражданской жизни, Шура огорошил всех. По его словам, однажды летом, находясь в гостях на даче у своего дяди, они с двоюродным братом через небольшой пролом в заборе пробрались на соседний участок. Понимая, что так делать нельзя, из мальчишеского любопытства, осторожно, от куста к кусту, прокрались на несколько метров от забора. Строения на участке были такие же, как и у них, но винный погреб оказался открытым. Рядом никого не было видно и мальчишки – им тогда было по двенадцать-тринадцать лет – вошли в погреб. Конечно, опять-таки из любопытства, отведали вино из высокой стеклянной бутылки, стоявшей на деревянном столе посреди погреба. – Вроде бы и выпили всего по большому стакану, и вино было похожее на сладковатый густой сок, – рассказывал Шура, – а когда хотели встать из-за стола, то не смогли: ноги стали какими-то ватными. В это время в погреб вошёл какой-то

мужчина, наверное, за вином или проверить погреб перед тем, как его закрыть, и увидел непрошенных гостей. Он спросил, откуда они, а услышав, что с соседней дачи, рассмеялся: – Так ведь у вас такой же погреб, как у Климента Ефремовича. Зачем сюда-то пришли? – Интересно стало, – оправдывались неудачливые дегустаторы. Видя, что им самим трудно будет дойти назад, мужчина вышел из погреба, кликнул кого-то, а потом вернулся уже с молодым красногвардейцем. Вот в его сопровождении ребята, через запасную калитку в заборе, и вернулись на свою дачу. Прощаясь, красногвардеец, не выдержал, заулыбался: – Ну, посмеётся товарищ Ворошилов, когда узнает, какие гости у него в погребе побывали. Слушавшие Шуру курсанты ахнули: – Как ты сказал? Ворошилов? Ну, ты придумал! Да кто же тебя туда пустит? – Как кто? Как кто? – разгорячился Шура. – У дяди и у Ворошилова конюшни рядом. Вот за ними мы и прошли. – А кто же тогда у тебя дядя? – спросили мы. Шура притих, потом серьёзно сказал: – Тимошенко Семён Константинович⁴. – Нарком обороны? – ахнули все. – Ври, да меру знай. Если у тебя дядя нарком, что же мы газету карандашами рисуем? Попроси у него краски и настоящий ватман. – Хорошо, – также серьёзно ответил Шура. Сказать сказал, но поверить было трудно: слишком необычным казалось такое соседство в казарме – с племянником самого Тимошенко! Но примерно через месяц Шуру вызвали в штаб полковой школы, и оттуда он вернулся с большим пакетом из плотной тёмно-жёлтой бумаги.

Вдоль верхнего края пакета чёрным крупным шрифтом было напечатано: «ПРИЕМНАЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР».

В июне сорок первого, после окончания школы Шуру направили на фронт. Больше о нём я ни разу ничего не слышал...

Но это – забегая вперёд. А тем временем служба и учёба шли для каждого по-своему. Кому-то и то, и другое давалось без особых усилий; кому-то учиться было легче, чем заниматься строевой и физической подготовкой: что такое марш-бросок на лыжах для бойца, который на них ни разу в жизни не вставал? Я-то с наших крутых берегов скатываться научился, чуть на другой, пологий, берег не выносило. А каково, если впервые лыжи одел, да ещё с горы вниз съехать надо? Причём дорога вниз идёт не по открытому месту, а петляет между деревьями. Привезли нас на занятия как-то на границу с Финляндией. Местные мальчишки как вьюны с самой высоты откуда-то из-за деревьев выныривают, с криками несутся вниз. Кажется, что деревья им сами дорогу уступают. Вот на глазах у смеющихся над нами мальчишек мы и одолевали премудрости спуска на лыжах с крутых склонов...

Было и ещё одно непредвиденное обстоятельство. Часть новобранцев на гражданке зачастую не ела досыта. А тут от регулярного качественного трёхразового питания и нормального режима отдыха они стали заметно набирать вес. Причём некоторые до того поправились, что уже и одного раза на турнике подтянуться не могли. А в армии установленные нормативы выполнять нужно. Стали отказываться от добавок – с нормами справились. Как мы те добавки потом, уже в блокадные дни, вспоминали!..

Во время Финской войны нас только два раза привозили на станцию помогать перегружать раненых. В основном, как мне запомнилось, это были обмороженные солдаты. Откуда-то, откуда – не знаю: ведь нам не разрешали разговаривать с ранеными, пошёл слух, что обморозились они при взятии линии Маннергейма⁵. Якобы, одно из укреплений было сделано в виде канала. И когда наши бойцы ворвались на это пространство, белофинны открыли шлюз и затопили водой канал...

Но о той войне из нас никто ничего толком не знал.

...В июне 1941 года я уже оканчивал двухгодичную полковую школу связи, когда объявили о начале войны. Почти всех курсантов сразу же отправили на фронт. Нас, нескольких выпускников, прошедших полный курс, оставили в школе инструкторами – обучать новобранцев. С первых же дней войны стало ясно: радистов для фронта понадобится много! Телефонные провода не укроешь от снарядов. Пока доползёт телефонист к месту одного обрыва, снаряд может повредить линию в другом. Сколько их уползло и не вернулось: кого пуля, кого осколок догнал...

А без связи не повоюешь. Уже в июле нарком обороны издал приказ: у каждого командира должна быть переносная рация. Наш полк стоял на окраине Ленинграда, и мы надеялись, что пополнение придёт из ленинградцев. С командиром роты капитаном Рикедой и моим командиром взвода лейтенантом Павлом Васильевым мы проверили наши радиоклассы, исправность передатчиков и приёмников, казарму. Капитан доложил комполка о готовности. Пополнение поступило. Но какое!.. Ограничено годные были подарком. Как в Ленинград так быстро попали новобранцы с Западной Украины и из Средней Азии – не знаю. А они почти не знали русского языка – языка, на котором их нужно было учить. Проверяешь слух курсанта – ведь вся радиосвязь на нём держится – как слышит, как отличает точки и тире морзянки. Вроде отличает хорошо, улавливает разницу между знаками, правда, пока не зная какую букву принял.

А как только начинаешь говорить с ним – тупик. С теми, кто без слуха проще: перевели в телетайписты или телеграфисты и пусть учатся. Но ведь и там язык знать надо. А приказ один – учить этих, других нет. И учить по ускоренной программе: три месяца – и готов. Обстановка в школе тоже изменилась: мы стали боевым подразделением, несли дежурства в части и патрульную службу в городе. Блокада началась 8 сентября, запасы в городе резко сокращались, подвозимых продуктов не хватало. Первым исчез в полковой столовой белый хлеб, свободно лежавший на металлических тарелках. Потом исчез чёрный. Сам паёк почти с каждым днём становился всё меньше, а выдаваемый хлеб – сырой, тяжёлый, действительно не по сорту, а по своему виду чёрный – не насыщал, а ложился в желудке камнем. Чувство голода стало одним из постоянных ощущений. Когда остановилась ТЭЦ, пришлось самим заготавливать в лесу дрова для отопления – похолодало как-то резко, сразу. По-моему, к октябрю, в полковую столовую уже не ходили. Дежурные приносили оттуда котёл с полужидкой кашей и, пока курсанты были на занятиях, поднимали его на второй этаж, в столовую роты. Но если недоедаешь так много дней подряд, да ещё рубишь дрова на морозе, а потом, чуть живой и мокрый от слабости, возвращаешься в полухолодную казарму, разве наешься миской каши?..

Всё чаще утром, при подъёме, кто-то от истощения не мог подняться с кровати: ведь, всё-таки, до войны этим людям не зря военно-врачебная комиссия ставила штамп «ограничено годен». Они не были подготовлены даже просто к военной службе, а на них свалилось такое тяжёлое, подчас непосильное, испытание!..

Однажды, с какой-то неожиданной оказией, в школу привезли мясо. Назначили наряд на кухню разделять его, каждый грамм был взят на учёт, но один небольшой кусок пропал. Как и когда – никто не заметил. Обыскали всю столовую – не нашли. Не хотелось верить, но был только один очевидный ответ – мясо взял кто-то из наряда. Взял для себя, у таких же истощённых товарищей. Кто-то стал вором. Это очень тяжело для голодного: смотреть на большое количество еды в твоих руках и удержаться, не съесть хотя бы маленький кусочек. Не только вид, а даже просто запах еды вызывал болезненные спазмы в животе. Поэтому, когда мы шли патрулем по городу, всегда, по возможности, старались обходить

Адмиралтейство: откуда всегда вкусно пахло нормальной пищей... Капитан Рикета построил роту перед казармой и скомандовал: – Наряд! Два шага вперёд! Круу-гом! Потом встал между нарядом и остальными курсантами, помолчал. – Товарищи бойцы, – негромко произнёс он. – Через час пятеро из вас пойдут в Ленинград нести боевую патрульную службу. Одна из ваших задач – борьба с мародёрами до расстрела на месте. С теми, кто, потеряв человеческий облик, грабит голодных и больных. Сегодня впервые, подписывая наряд на патрулирование, я буду думать: вдруг один из уходящих и есть тот, кто ограбил своих товарищей? Как поступит он в трудную минуту? Не обратит ли своё оружие против вас? Своим поступком он уже перешёл на сторону врага, пытающегося сломить нас голодом. У него есть час для решения: признаться и искупить вину по закону военного времени, как положено бойцу Красной Армии, или навсегда остаться врагом! А теперь – разойдись! Конечно, всем хотелось поскорее уйти с пронизывающего холодного ветра, укрыться от его порывов в казарме, но не успели мы ещё выполнить команду, как где-то сзади нас раздался громкий глухой хлопок и все поняли, что случилось: плотно уперев ствол карабина себе под подбородок, нажал на спусковой крючок курсант, укравший мясо...

Вскоре этот курс, обучавшийся по ускоренной программе, отправили на фронт. Пришли учиться другие и тоже ушли...

Когда лёд на Ладоге набрал нужную толщину и заработала «Дорога жизни», стало немного легче: вместе с неизменной пшённой кашей появились и другие продукты.

Да... А мясо нашлось – выдало себя запахом, когда, засунутое в небольшой закуток за печкой, стало портиться от тепла. Никто не хотел прикасаться к нему. Просто смели, выкинули и забыли. Как забыли того, кто украл злополучный кусок. Как его звали, каким он был, где похоронили – никто не запомнил. Никто не запомнил, никто не винил: не каждый мог вынести такую долю. Но каждый сам намечал для себя черту, до которой сегодня нужно дойти и не сломаться. А завтра...

А до завтра, сынок, ещё дожить нужно было...»

3

...Я так откровенно, как всё было, рассказываю тебе о блокаде, а сам думаю: «А нужно ли? Очень непросто человеку, не прошедшему через испытания, которые выпали другим, понять их, не осудить за поступки, кажущиеся из сегодняшнего дня некрасивыми, предосудительными». Но, наверное, чем честнее рассказываешь, тем достовернее твои слова, тем легче они находят отклик у собеседника. Так вот, я хочу вернуться к новобранцам, что пришли в нашу школу в первые дни войны. Многих из них в мирное время признали ограничено годными по здоровью. В армии они не служили, были людьми сугубо штатскими, но в военкоматы пришли сами. Им было труднее всех. От войны и так не ждут ничего хорошего, но такие страшные испытания и лишения и представить себе никто не мог. Им было труднее всех ещё и потому, что первая осень и начало зимы до открытия «Дороги жизни» были самыми тяжёлыми для каждого, кто оставался в Ленинграде: таким внезапным оказался перелом от мирного уклада к невыносимым и душевным, и физическим мукам. Все верили в непобедимость Красной Армии, никто не думал, что война может стать долгой и настолько кровопролитной. И все каждое утро, каждый час ждали сообщение, что наши войска отбросили силы противника, перешли в наступление и начали разгром врага. Но такого сообщения не передавали. Говорилось о новых и новых потерях, об оставленных населённых пунктах, а на город, лавина за лавиной, налетали самолёты с крестами и сыпали, сыпали бомбы. Навстречу им взлетали

наши, краснозвёздные, но наших было так мало! Несколько фашистских машин набрасывались на одну краснозвёздную, и, несмотря на всё мастерство и упорство, на бесстрашие наших лётчиков, принимавших такой неравный бой, горели самолёт за самолётом. Мы, с земли, напряжённо следили за ходом каждого воздушного боя, всем сердцем желая своим уцелеть, сбить хотя бы одного гада!..

А когда немецкие асы беспощадно, почти в упор, расстреливали из пулемётов прыгающих из горящих машин лётчиков, их только начинающие раскрываться парашюты, слёзы ненависти и горечи непрошено, сами появлялись на наших глазах. После команды «Отбой воздушной тревоги», по возвращении в классы, очень трудно было снова сосредоточиться на учёбе: эпизоды воздушного боя стояли перед нами...

4

Уже больше двух месяцев прошло с начала блокады. Уменьшить ещё норму пайка означало бы не оставить ни одного шанса на выживание. А люди держались... Не было еды, не было тепла. Начальник медсанчасти полка, кадровый офицер, многое повидавший в финскую войну, заставлял каждого при нём выпивать мензурку хвойного настоя от цинги – горького и противного. И если кто-то пытался обмануть, уйти, не проглотив самодельного лекарства, не церемонился в выражениях: – Глотай, а то расстреляю как дезертира! Я заставлю тебя выжить. Вы мне, сопляки родные, живыми нужны. Это – мой воинский долг. Боец глотал, а военврач, наливая порцию для следующего, говорил: – Теперь тебе точно цинга нипочём! Но не зазнавайся – ты ещё на фронт должен здоровым отбыть. Никто не обижался на его грубоватые шутки. Этот много повидавший офицер знал своё дело, но при необходимости действительно мог применить оружие, чему я сам оказался свидетелем.

...Среди курсантов военного набора оказался один, который начинал ссылаться на недомогание, как только нужно было поработать физически. Пару раз ему поверили. А тут нашему взводу выпал наряд на заготовку дров. И опять этот «больной» за своё: – Так плохо себя чувствую, что еле на ногах стою. Комвзвода Васильев не выдержал: – На товарищей своих посмотрите: они тоже допаяк не получают и еле на ногах стоят, а молча собрались. Пойдёмте к врачу в медсанчасть. Если он признает Вас неспособным к физической работе, то останетесь в наряд по взводу. Мы взяли пилы, топоры, несколько больших санок и, скорее маленьким караваном, чем строем, направились к медсанчасти. У входа лейтенант скомандовал: – Всем ждать. Больной – со мной. Не прошло и пяти минут, как дверь распахнулась, и из неё, с перепуганным лицом, выскочил, в наполовину одетой гимнастёрке, с шинелью и шапкой в руках, «больной» курсант. Следом, с трудом передвигаясь, пытался выйти военврач с крепко обхватившим сзади его руки лейтенантом Васильевым. – На месте... как дезертира... по закону военного времени..., – выталкивая из себя каждое слово, кричал военврач, пытаясь правой рукой достать пистолет. Но комвзвода по-прежнему с силой сжимал руки офицера. – У него... у него боках... жир свисает... а он больной? – также, словно задыхаясь, выкрикивал военврач, а комвзвода всё старался его завести назад в медсанчасть. Наконец ему это удалось, дверь захлопнулась. Через некоторое время Васильев вышел, торопливо сбежал по ступенькам, осмотрел нас, продрогших без движения на холодном ветру, и вплотную подошёл к уже одевшемуся «больному»: – Ещё хоть слово – сам пристрелю, даже если под трибунал отправят. Ясно? Не сдержавшись, свой вопрос он выкрикнул прямо в лицо «больному». Тот стоял, не в силах от страха ответить, лишь его нижняя челюсть мелко-мелко дрожала. Лишь когда в лесу бойцы начали укладывать в санки заготовленные дрова, Васильев попросил: – Саш,

сверни покурить. До сих пор руки трясутся. – Что случились-то? – Он ведь знаешь, что спросил у военврача? – жадно затягиваясь самокруткой, начал Павел. – Нельзя ли ему получить заключение о негодности к службе, нужные справки о болезни его родные принесут. А сам здоровее всех нас: стоит без гимнастёрки – весь розовый, упитанный. Хорошо, что врач сгоряча кобуру расстегнуть не успел. Я, как понял к чему дело идёт, обхватил его. Еле смог удержать: вроде худой, а жилистый...

Где-то недели через три с нами в патрульную группу назначили «больного». Недалеко от центра города, он обратился к комвзвода: – Товарищ лейтенант! Мои родители недалеко живут. Разрешите всем вместе зайти, согреться.

Вечер, действительно, был холодный и ветреный. Другие тоже поддержали: – Может, правда, погреемся, товарищ лейтенант? Немного подумав, Васильев кивнул головой: – Не больше пятнадцати минут. Дом и в самом деле оказался неподалёку. Дверь открыла мать «больного». Увидев сына с сослуживцами, ахнула. Как и каждая мать, первым делом проводила нас к столу, побежала было на кухню. Лейтенант попробовал остановить её: – Не беспокойтесь, мы только обогреться немного. Но она и слушать его не стала: – Что Вы, товарищ лейтенант! Какое беспокойство! Такая радость! – и ушла. Мы наслаждались теплом. От окон, закрытых для светомаскировки плотными тёмными шторами, совсем не дуло. И так приятно было видеть радость матери от встречи с сыном, словно каждый из нас вернулся в свой родной дом! Но вот женщина вернулась и начала расставлять на столе тарелки с едой. Мы не верили своим глазам: в блокадном Ленинграде, где по карточке выдают в день умещающийся на ладони кусок тёмной массы, называемой хлебом, перед нами поставили тарелки с настоящим хлебом, и сыром, нарезанными ровными тонкими кусочками! В отдельных маленьких тарелочках лежали комочки сливочного масла, ещё с капельками влаги и следами чайной ложечки, которой, наверное, их отделяли от куска. Следом появились настоящий чай в стаканах с подстаканниками и сахарница с белоснежным сахарным песком. Не отрывая глаз, мы смотрели на расставленные яства и не могли сказать ни слова. Как нам хотелось съесть всё за один присест! Но одновременно появилось ощущения соучастия в бесчестном поступке. С побелевшим лицом комвзвода тихо приказал: – Ни к чему, кроме чая не прикасаться! И уже обращаясь к хозяйке, жёстко добавил: – Уберите, пожалуйста, всё, кроме чая! – Почему, почему, товарищ лейтенант? Пусть кушают, нам не жалко! – не поняла та. – Эта еда убьёт их! Они давно отвыкли от неё, – стараясь быть вежливым гостем, пояснил Васильев, а у самого желваки по скулам заходили. С обиженным видом хозяйка унесла масло и сыр, оставив на столе только хлеб, но к нему никто не мог прикоснуться. Вернувшись, женщина встала за спиной у сидящего сына, положила руки ему на плечи и вновь заговорила: – Товарищ лейтенант! Что нам нужно сделать, чтобы сына забрать из армии? Он у нас один. Павел даже чаем поперхнулся: – Вы что же думаете: если я у матери четвёртый, так меньше дорог ей? И, не слушая ответа, поставил на стол стакан с недопитым чаем и скомандовал: – Всем встать, одеться! И вполоборота к хозяйке уронил: – Нам пора. Её сын вышел из квартиры последним. Карманы его шинели оставались такими же плоскими, как и до посещения дома, и всё равно никто не мог заговорить с ним. Дней через десять его уже не было на утреннем построении. Вернувшись из штаба, Васильев жирной чертой зачеркнул фамилию этого курсанта в списке взвода. Потом поднял на меня глаза и без всякой злости, с какой-то обречённой усталостью пояснил: – Комиссовали. По состоянию здоровья...

Хотя военврач, как мог, заботился о нашем здоровье, но здоровыми были не мы, а те мародёры, которых встречали при патрулировании. Сытые, с тугими, а не ввалившимися щеками, они легко таскали в ожидавшие их машины картины, мебель из чужих опустевших квартир. Увидев нас, сразу бросали выносимый скарб, запрыгивали в автомобиль и, смеясь, уезжали с тем, что уже было нагружено в кузов. Вскинуть быстро тяжёлый карабин...

Если бы мы могли это сделать, то мародёры не ушли бы от нас. Быстрыми наши движения не получались при всём желании задержать преступников. Иногда становилось, казалось, совсем невыносимо. Не раз, и не два приходила мысль: «Ещё один такой день я не переживу. Уж лучше на фронте от пули...» И сразу же накатывала злость на себя: «Это что же? Сдаюсь?..» Я шёл к баку с ледяной водой и пил её, чтобы, пусть хоть ненадолго, обмануть желудок, без конца требовавший еды. Раньше я уже рассказывал тебе, что примерно с октября мы не ходили в полковую столовую, а еду оттуда дневальные приносили в столовую роты, пока курсанты были на занятиях. Но как-то с доставкой опоздали. Уже прозвучала команда: «Перерыв», а дневальные ещё не дошли до лестничной площадки между первым и вторым этажами. Услышав команду, они заспешили, один из них оступися и упал, выпустив ручку котла. Тяжёлый котёл опрокинулся, и горячая жижа полилась на упавшего, на ступеньки. Как на притчу, к лестнице уже подходил взвод, закончивший занятия чуть раньше других. Они видели и чувствовали запах пищи, которую так ждали, и которая на их глазах, на глазах тех, кто привык ценить каждую кроху еды, разливается по лестнице, а значит, пропадает, необратимо растрачивается зря, никого не насытив, никого не поддержав своей живительной силой. Злая обида на растяпу дневального, обида за самих себя, взломала воинскую дисциплину, и вместе с неутоленным голодом толкнула нескольких курсантов, что стояли у ступенек, к опрокинутому котлу. Обжигая ладони, они черпали кашу и жадно глотали её. Не в силах ещё раз зачерпнуть обожжёнными ладонями из котла, стали собирать её со ступенек. А сзади их толкали другие, которые тоже поняли, что сегодня останутся без еды, и хотели хотя бы немного получить её. Из окончательно перевернувшегося котла остатки вылились на ступеньки...

Командир взвода закричал: «Прекратить! Разойдись!» Но его не слушали. Тогда он, с сержантами, начал оттаскивать курсантов от каши. Те плакали – горько, как дети, у которых отбирают самое вкусное, самое желанное...

Подоспели сержанты других взводов, и скоро порядок был наведён. Обожжённого дневального и курсантов, обжегших ладони, отправили в медсанчасть. Вместо каши принесли и выдали сухой паёк, занятия продолжились. Но отпускать с занятий стали только после доклада дежурного о готовности столовой. И ты, сынок, не думай плохо о тех, кто не сдержался, бросился к каше. Ребята они были что надо! Через какое-то время, помню, сидим с Пашей Васильевым у него в кабинетике, составляем план занятий на неделю, а один из «любителей каши», коренной ленинградец, входит, мнётся. Павел его спрашивает: – Что случилось? А курсант так несмело говорит:

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться. Ко мне родные приходили. Холодец из кошки принесли. Можно Вас с товарищем сержантом угостить? Разворачивает небольшое полотенце, а в нём неполная литровая банка холодца – незамёрзшая до студня жидкость с тонкими, тоньше спички, бледными прожилками мяса. У нас с Пашей аж горло перехватило: ведь сам на ногах еле держится! Пока шёл от пропускного пункта у ворот

части мог бы один съесть. Родственники тоже, наверняка, голодают. Значит, обменяли свои рабочие или иждивенческие карточки, решили сына поддержать самым бесценным – едой. Паша разволновался – желваки на скулах ходуном ходят. Встал, подошёл к курсанту, заглянул в глаза, спрашивает: – Что сами-то не едите? Ваши родные о Вас позаботились. Курсант опять с виноватым видом: – Не могу я один, товарищ лейтенант. Нехорошо получится, как будто тайком. Разлили мы тот холодец по кружкам, выпили. Привкус его мыльный до сих пор помню, а как курсанта звали – забыл. Поблагодарили мы его тогда, конечно. Но стыдно мне, что имя его забыл...

6

Весной сорок второго пришли приказы о переводе нескольких офицеров и сержантов школы в действующую армию, то есть на фронт. В их числе были и мы с Пашей Васильевым. Перед отправкой все пережившие блокадную зиму вначале проходили обязательную военно-врачебную комиссию. Тех, кто прошёл ВВК, вначале ненадолго направляли в госпиталь, и только после этого – на фронт. В мае я уже был на передовой. Доехать до неё из Ленинграда можно было на попутке. Стояло затишье, изредка вспыхивали бои чисто местного характера: где-то мы немного продвигались вперёд, где-то, выравнивая линию обороны, немного отходили назад. Разведка боем и с их стороны и с нашей велась осторожно, без вовлечения значительных сил. Всё это чем-то походило на первый раунд у боксёров, когда оба пытаются прощупать друг у друга слабые места, с той разницей, что здесь обе стороны были вымотаны предыдущими боями. Но все понимали, что долго затишье продолжаться не может. Как-то в конце июля командир роты приказал мне сходить в штаб батальона за поступившими документами. Уже на выходе из штаба я услышал близкий взрыв. Только выскочил за порог, как раздался характерный свист мины и чей-то крик: – Ложись!!! И почти одновременно раздался взрыв...

В первое мгновение, когда я пришёл в себя, левый глаз ничего не видел и горел от боли. Казалось, что голова раскололась на две части. Я попытался сжать обе половинки руками, но опять потерял сознание. Во второй раз очнулся от того, что начал задыхаться. Рот был полон крови. Я попробовал приподняться и сесть. Правой рукой затронул шею там, где было горячо: вся рука покрылась кровью. Тогда я плотно прижал ладонь к ране. Ни говорить, ни кричать, конечно, не мог. Пробегавшая мимо женщина-военврач, увидела меня. – Здесь ещё один! Санитары, быстрее! – полуобернувшись назад, командовала она. Подоспевшие санитары хотели уложить меня на носилки, но военврач остановила их: – Этого перевозить только сидя! Меня усадили к борту полной раненых полуторки. Со стороны передовой гремело и грохотало.

Военврач подбежала к водителю полуторки: – Гони быстрее! Видишь, начинается! ... Уже в госпитале сосед по палате, с которым нас вместе привезли, рассказал, что в тот день даже команды о подготовке к бою не было: – Пристрелялись гады, наверное. Сколько уже друг напротив друга стоим. А они ещё и на небольшой высотке. Ладно, медсанбат не задело: там как раз раненых к эвакуации готовили. Считаю, что нам повезло! Его ранило в грудь, и он наделся на скорую поправку. Осколок из шеи мне достали, а с глазом пока ничего не было ясно, только перевязки делали постоянно. Однажды пришёл лечивший меня врач и предупредил: – Для дальнейшего лечения будете направлены в тыл.

7

Документы на отправку подготовили быстро. На следующее утро нас погрузили в закрытые машины и повезли к Ладоге: другого пути на Большую землю не было. Полог

кузова был опущен, но один край оставили приоткрытым для свежего воздуха. Водитель хоть и торопился, но вёл машину так, что нас почти не трясло. А, может, мы просто не замечали этого. Как-то вдруг стало ясно: с Ленинградом мы расстаёмся надолго. Пока он вот ещё рядом, за бортом машины, но это последние наши минуты вместе. Вместе с городом, который нас встретил в невозвратимое мирное время, стал дорог сердцу, с которым вместе в июньское воскресенье слышали слово «Война». Вместе с ним впервые увидели в небе над городом самолёты с крестами на плоскостях крыльев, но ещё не могли поверить до конца, что кто-то из сидящих в этих самолётах, привычным движением руки откроет бомболюки, и на улицы и дома нашего Ленинграда, с воем, рванётся сверху Смерть...

Вместе с этим городом мы пережили самую трудную первую блокадную зиму, когда не раз казалось, что даже и жить-то не осталось сил...

Само собой вспоминалось виденное в ту зиму: ...Мы в патруле идём по Ленинграду по назначенному маршруту. Навстречу нам медленно, неуверенно движется человеческая фигура, обвязанная платком. И, не доходя метров двадцать до нас, начинает оседать на сугроб. Мы спешим к человеку, но у него уже нет сил встать. Из под платка на нас смотрит истощённая пожилая женщина и почему-то пытается улыбнуться. Паша Васильев, начальник патруля в этот день, спрашивает: – Бабушка, Вы далеко живёте? И еле слышный шёпот-шелест в ответ: – Бабушка... Мне, мальчики, двадцать лет... Она скончалась у нас на руках, и мы не стыдились своих слёз. Паша, с силой выдохнув, негромко сказал: – Запомните эту девушку, бойцы! Запомните! А когда война кончится, мы расскажем о ней, чтобы все знали...

...Снова мы в патруле. Уже отзвучал отбой воздушной тревоги. Мы видим, как впереди, метрах в сорока от нас, люди потихоньку начали выходить из бомбоубежища. И вдруг фасадная сторона пятиэтажного здания, из которого они выходят, будто нехотя и почти беззвучно, вернее, со звуком похожим на шуршание высыпаемого сухого песка, начинает оползать вниз. Никто ещё не успел осознать опасности и сбежать от неё, как в одно мгновение всё стремительно меняется, и стена, уже с жутким грохотом, рушится на выходящих людей, заполняя своими обломками улицу до противоположной стороны тротуара...

...Середина марта. Всех, кроме дежурной роты, сняли с занятий. Мы грузим на машины вытаявшие из-под снега трупы: сделать это надо до прихода настоящего тепла, иначе эпидемии не избежать. Никогда не видели сразу столько убитых и умерших от голода...

А сегодня мы расстаёмся с этим городом. И в горле у меня снова ощущение удушья, как в минуту ранения. И другие раненые смотрят в щель полога на уносящиеся назад улицы, и никто не пытается притвориться спокойным...

Я ехал и не знал, что ещё осенью сорок первого мой старший брат Василий ушёл с народным ополчением, а в декабре погиб при защите Ленинграда. Только в тылу меня догонит эта весть...

8

...Помню маленький пароходик у Ладожской пристани, как опять быстро, почти в полной тишине, в трюмы и на палубу, погрузили нас, часть гражданских и детей. Дети не плакали, а доверчиво шли за родными: кто с узелком, кто с игрушкой в руках. Погода была пасмурная, стоял лёгкий туман. Мы понимали, что туман – наше спасение. Все уже были наслышаны об «охоте» фашистских самолётов на речные суда с флагом Красного Креста. Когда отплыли, и пристань спряталась за кормой в полосах тумана, невольно все

стали вслушиваться: не гудят ли в небе самолётные моторы? – Неужели капитан не может что-нибудь сделать, чтобы наш пароход не шумел так сильно? Ведь нас, наверное, на всю Ладогу слышно. И самолёты могут услышать, – такие мысли непрошено лезли в голову, но никто не произносил их вслух. Временами небо начинало проясняться, и глаза всех на палубе устремлялись к светлому разрыву в облаках. Слух, казалось, обострился до самой крайности. Возникало ощущение, что слышишь пульсирование крови в висках. А мы всё плыли и плыли...

Как все вздрогнули, каким оглушительным показался нам неожиданный гудок паровоза! – Что он так громко гудит? Ведь фашисты услышат и налетят бомбить! – обожгла первая мысль. И только потом поняли: где-то там, уже очень близко, другой берег! Неужели доплыли, и впереди, пока ещё невидимая из-за спасительного тумана, нас ждёт пристань Большой земли? Только в тылу так безбоязненно громко, в полную силу, могут гудеть паровозы!..

Снова нас перегрузили с парохода на машины, перевезли на железнодорожную станцию, находившуюся неподалёку, и разместили по вагонам военно-санитарного поезда. Вскоре, после переключки между собой дежурных по вагонам, захлопнули двери, и состав тронулся...

Мы ехали в тыл. Кого-то из нас там ждали тяжёлые операции, кого-то лечение после них, но, казалось, что самое страшное уже позади. Беда подстерегла с другой стороны. На первой же большой остановке часть ходячих раненых выскочили на перрон. Даже в те тяжёлые годы к поездам местное население выходило торговать кто чем, но в основном, конечно, продуктами питания. Пусть выбор был скудным, но продавали квашеную капусту, репу, морковь, а главное – отварную домашнюю картошку! Правда, прошлогоднего урожая, но и такой мы не пробовали почти год. И ещё продавали хлеб! Не по карточкам, не на граммы, а буханками, как в мирное время. Конечно, он не был таким, какой ты привык покупать в магазине, но и совершенно не был похож на блокадный ленинградский – липкий, сырой, тяжёлый. Перед отправкой нам по денежным аттестатам выдали деньги. И те, кто вышел на перрон, хотя нас нормально кормили, не удержались: купили и картошку, и хлеб. А когда вернулись в вагон, сразу накинулись на еду.

Медсестра бежит, спрашивает: – Нельзя вам, опасно при вашем состоянии! Ведь сами знали – нельзя, а оторваться не могли: голод слова не понимает. Пока спрашивала, некоторые уже всё съели и корчатся на своих полках. Медсестра бегом за врачом. Вернулись, скорее объевшихся забрали на промывание желудка. Кого-то спасли. Когда ужин начали разносить, отдернут занавеску на полке – а там кто-нибудь из тех, кто тайком купленное съел, уже холодный лежит. Унесли их и сняли с поезда на следующей остановке. И мы на ус намотали, и контролировать нас стали строже...

9

Наконец, приехали к месту назначения в Свердловск. По прибытии в госпиталь заново всех обследовали, а через несколько дней вызвали меня к лечащему врачу. Вхожу, а он сидит, мою медицинскую карту просматривает. На взгляд ему лет за сорок, а волосы из-под шапочки – седые. Поднял глаза на меня, кивнул на стул рядом: – Садитесь, сержант. Потом отложил медкарту, ещё раз внимательно всмотрелся: – Ну, давайте прямо говорить. Ознакомился я со всеми записями в карточке: и военного госпиталя, и результаты нашего обследования. К фронтовым врачам у меня замечаний нет: с ранением в шею всё сделали толково, осколок извлекли, швы наложили грамотно, мы здесь ещё кое-что сделаем, и шея Вас беспокоить не будет. Но вот с глазом...

Он замолчал, покрутил в руках взятый со стола карандаш, и, словно приняв решение, закончил: – В очень нехорошем месте второй осколок застрял. Он маленький, но трогать его опасно: слишком близко важные нервы глаза. И прирос он там за это время. Не тронуть – значит, есть шанс, что хотя бы свет и темноту глаз различать будет, и удалять глаз не потребуется: он чистый, а кровоизлияние рассосётся. Но как поведёт себя осколок потом – сказать не могу: голова она и есть голова. На сегодня прогноз благоприятный. Что решаете? Оперироваться или нет? Меня словно опять взрывом об землю ударило. До этой минуты я надеялся, что в тыловом госпитале мне вылечат глаз: ну, засорило его тогда, воспалился он, но, на то и врачи, чтобы лечить! А теперь вон как дело оборачивается: ещё и осколок в голове останется на память, и как поведёт себя потом неизвестно. Но одно я твёрдо знал: никаких операций больше не хочу. Так и сказал военврачу. Он пододвинул мне медкарту, карандаш и показал где расписаться. Потом встал, подошёл ко мне. Я вскочил, а врач крепко пожал мне руку: – Всё, что в наших силах, сделаем, сержант. Только и Вы постарайтесь... – и, помолчав, добавил – без глупостей. Вам ещё жить да жить. Потекли госпитальные, похожие один на другой, дни. Нет, здесь я не совсем прав: похожи они были утренними обходами, лечебными процедурами, перевязками, но в свободное время перед нами с концертами выступали и школьники, и разные артисты, даже из Свердловского оперного театра. И мы для них всегда своё, пусть небольшое, ответственное выступление готовили. А таланты среди раненых всегда находились! Всё было от сердца: и у артистов, и у нас, потому и запоминалось надолго. До сих пор помню, как ещё на фронте, в начале лета сорок второго года, перед нами выступала Клавдия Шульженко: на поляне, без микрофона, около часа она пела для нас. Да как пела! Казалось, начнись сейчас бой, мы без оружия в атаку встанем и победим! Разве такое забудешь!

... После разговора с врачом я продолжал надеяться, что глаз будет видеть лучше, чем предполагают медики. Отказаться-то от операции я отказался, но иногда становилось страшно: а как на самом деле поведёт себя оставшийся осколок? Я учился прятаться от этой мысли, пытаюсь вспоминать что-нибудь выученное раньше наизусть, повторяя по несколько раз одно и то же стихотворение. Слабость брала своё, и наплывал сон. Спать и есть теперь мы могли без конца: проснулся какой-то, без преувеличения, волчий аппетит. Выздоровливающий организм, наверное, хотел наверстать упущенное. И снова, как в дни блокады, когда невыносимо хотелось есть, я начинал пить воду, чтобы обмануть желудок. Я вспоминал происшествие в санитарном поезде и мысленно спрашивал себя: – Ты этого хочешь? Не так уж и велики были по нынешним временам нормы госпитального питания: откуда им тогда было взяться большим? Но мы начали набирать вес, а некоторые – нездорово опухать. Врачи объясняли, что после голода такое возможно, но никогда не ставили блокадников на раздачу пищи...

Наступил день, когда мне сняли повязку с глаза. Военврач оказался прав в своих прогнозах: я мог отличать им только свет и темноту. Внешне глаз почти не отличался от здорового, и это почему-то помогло справиться со злой обидой за рухнувшие надежды. Осколок не беспокоил, и при повороте головы в глазах не вспыхивали искры, как в первое время после ранения. – Но, но, но, – видимо, поняв моё состояние, начал военврач. – Не так уж плохи Ваши дела. Застрянь осколок чуть дальше, Вы бы не здесь сейчас стояли, а в братской могиле лежали. Возьмите себя в руки. – Через пару дней выписываем Вас, а что дальше делать – военкомат решит. В день выписки, с документами из госпиталя, мы, признанные негодными к службе в военное время, явились в военкомат и получили направления на оборонные заводы области. – А ты, сержант, останься на пару минут, –

приказал мне оформлявший документы майор. Когда все вышли, он продолжил: – Хотя тебя врачи списали как военного человека, но военную твою специальность радиста они отобрать не могут. Мне вот тоже после ранения дорогу на фронт закрыли, а я у них добился права служить здесь. Приказ Наркома о радиосвязи никто не отменял, поэтому до особого распоряжения будешь при заводе после работы обучать призывников радиоделу. Вот тебе документ на это: я его заранее подготовил – не так часто нам радисты с полной довоенной подготовкой попадают. Работать меня направили на «Уралмаш». Не раз от усталости, вместе с другими, спать оставался прямо в цехе: и теплее, чем в общежитии, и ехать никуда не надо. Особенно в те дни, когда после смены я шёл в заводской клуб ОСОАВИАХИМа⁷ обучать призывников радиоделу. Хотя время было и суровое, но, как и в мирные годы, каждому заводскому новичку старались по возможности устроить проверку и для каждого придумывали что-нибудь новенькое. Помню, заканчиваю отладку радиостанции, установленной на танк, а ко мне подходит один из «старых» рабочих и с серьёзным видом спрашивает: – Саш, тут у нас одного на другой участок отозвали. Ты помочь нам немного не можешь? Делов-то минут на пять. – А чем помочь могу? – Да на днище танка края вмятины чутко отрихтовать, Я первым ударом место показываю, а ты, следом, по нему – кувалдой. Вдвоём быстрее. Сразу понятно стало: они, наверное, решили, что если я радист, то не понимаю можно ли рихтовать кувалдой броню на днище танка. Но виду не подал. Подошли к другому танку, а около него уже больше обычного рабочих крутится и все стараются со мной взглядом не встретиться. Берёт мой провожатый одну кувалду, подаёт мне другую: – Пойдём в яму, а то скоро смена кончится. А я спрашиваю: – Где рихтовать-то будем: под трансмиссией или на корме? – Да под трансмиссией. Тебе-то какая разница? Тут я и пояснил ему: – Разница есть. Меня учили, что под трансмиссией толщина брони до тринадцати миллиметров, а на корме раза в три толще. Там уж никак кувалдой не выправишь. Понял он, что розыгрыш не прошёл, как засмеётся, а за ним и другие. Перестали занятой вид делать, подошли ко мне: – Не обижайся, Сашок! Традиция – дело святое. Не думали, что ты про броню наизусть помнишь...

В ноябре сорок пятого пришло письмо от родных: умер папа. Два года они с мамой не знали, где их сыновья: живы или нет? Потом начали приходиться письма то от одного, то от другого, пришли с опозданием похоронки на Васю, на зятя Ивана. Папа сам прошёл русско-японскую и войну знал «изнутри»: неприкрашенную, не пересказанную чужими словами. Как написала сестра, иногда вечером садился к столу, брал письма сыновей, начинал перечитывать. Одно прочитает, разволнуется. Соберёт их опять вместе, унесёт, а потом себе места не находит. «Врач сказал – от сердца помер. Думаем: не выдержало оно радости, что четверо живыми вернулись» – так было написано в письме сестры. Конечно, пока письмо дошло, отца уже похоронили, но я хотел хоть свежей могиле его поклониться. Прибежал к мастеру просить краткосрочный отпуск на родину, но мне его не дали: на оборонных заводах были свои порядки. – Отец Ваш похоронен. За сколько дней Вы доберётесь до дома и обратно при такой «скорости» поездов – неизвестно. Да ещё в военной комендатуре разрешение нужно заранее оформлять. А у нас – план, госзаказ, каждый человек на счету. Сочувствуем, но разрешить не можем. Сгоряча я хотел уехать без разрешения, но сосед по комнате, тоже бывший фронтовик, остановил: – Не дури! Первый же патруль задержит. А тогда, сам понимаешь, и на прежние заслуги не посмотрят!

... Только через год я смог приехать на могилу отца. К тому времени нас, несколько человек, направили на металлургический завод, в КаменскУральский. Кто и почему так

решил – не знаю. Не знал, конечно, и того, что уже навсегда моя жизнь окажется связанной с этим заводом и с этим городом.

10

После войны отец писал запросы в архивы Ленинградского военного округа, в Центральный архив Министерства Обороны. И за всё время отыскался только один однополчанин – Серебренников Александр, который жил тоже на Урале, в Свердловской области. Отыскался через тридцать два года после начала войны, в 1973. Погостил у нас его фронтовой друг, оставил на память свою небольшую фотокарточку. На обратной стороне написал: «Дорогому другу по совместной службе в рядах Советской Армии Саше Покидышеву от его однополчанина Сашки Серебренникова». Потом провёл поперечную черту и ниже неё добавил стихи: «Когда призвала нас страна Мы в Армию пришли. Когда нагрянула война, Мы смело в бой пошли. Погибли многие друзья – Не перечить числа. Но радость встречи ждёт живых И, в том числе, меня. Твой Сашка. 23.2.1973 г.» Прощаясь, оба понимали, что второй встречи может и не быть. Теперь та фотография у нас дома хранится среди фотографий наших родных. А военврач из Свердловского госпиталя, говоря об осколке, оказался провидцем. Два раза папа неожиданно терял сознание: первый раз в 1959 году, а потом в 1964. Оба раза «Скорая помощь» увозила его, не зная, какой поставить диагноз. А к обеду, он сам возвращался домой из больницы, и, смеясь, рассказывал, как дежурный врач упрашивал его: – Александр Дмитриевич! Миленький! Ради науки дайте Вас прооперировать! Я хоть посмотрю, что у Вас там такое случилось! И обижался на отказы папы: – В другой раз и спрашивать не буду! Прооперирую – и точка!

11

В последние годы жизни отец часто вместо любимого баяна брал в руки балалайку. Настраивал её, то на один лад, то на другой, поясняя мне: – Так играли на нашем краю деревни, а вот так – на другом... Вот это называется балалаечный строй, а это – гитарный... Ты послушай как под него пели... И пел частушку за частушкой, а потом вдруг отставлял балалайку и уходил в свою комнату. Я, конечно, слушал его, но ещё не мог понять: отец знал, что здоровье уже не позволит ему приехать в родные места, встать на высоком берегу Молвы и запеть, как раньше, чистым баритоном:

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля –
Это русское раздолье,
Это Родина моя...

Он всегда во время приездов «здоровался» этой песней с родными местами. В вечерней летней тишине далеко слышно. И в домах, стоявших около реки, услышав папин голос, говорили: – Шура домой приехал!.. Он знал, что больше не приедет туда, а песни его были поклоном далёкой родине и прощанием с нею. Ни разу после войны он не смог заставить себя приехать в Ленинград. В Москву, на свой первый завод, МЭМРЗ, приезжал. А в город, где встретил войну – не мог...

Но баян себе в начале пятидесятых выбрал именно Ленинградской фабрики «Красный партизан». На лицевой стороне правого полукорпуса ярко выделялась накладная надпись из белой пластмассы с нижним подчёркиванием: «Ленинград»...

В последнюю минуту жизни, словно услышав чью-то команду, он вскочил с края кровати, на которую только что присел, шагнул вперёд и упал навзничь, будто встав в атаку, не уберёгся от вражеской пули.

...Сегодня уже нет в живых ни моего отца, ни четверых его воевавших братьев. До сих пор мне не удалось найти могилу, в которой похоронен самый старший из братьев, ополченец Василий Дмитриевич Покидышев, 1906 года рождения, погибший за город, что стал ему родным. Не смог отыскать могилу своего отца Богданова Ивана Алексеевича и мой двоюродный брат Богданов Владимир Иванович. Ни Иван Алексеевич, ни его жена Наталья Дмитриевна, умершая почти сразу после родов, так и не узнают, что их сын окончит Московский медицинский институт, и будет работать в Звёздном городке, в Центре Управления полётов. Нет Алексея Дмитриевича. В двадцать девять лет, в сорок первом, он ушёл на фронт, а летом сорок второго, как специалиста-железнодорожника, его отозвали назад, на Московскую железную дорогу. Но вскоре снова направили на фронт. Воевал в пехоте, участвовал в освобождении Праги, был ранен. После войны вернулся в вагонное депо станции Перово и работал здесь до пенсии. Михаил Дмитриевич был ранен в боях под Минском, попал в плен. Ему только-только исполнилось двадцать четыре. При ликвидации первого концлагеря пытался бежать, но неудачно: перевели в другой лагерь с более жёстким режимом. При подходе наших войск снова бежал с группой своих товарищей. Рассредоточившись по два человека, они несколько дней прятались в прилегавшем к лагерю болоте. Дождались наш танковый десант. Опять воевал – уже до Победы. Имел награды. До ухода из жизни от сердечного приступа работал сначала учителем, потом директором Владимировской сельской школы Кораблинского района Рязанской области. Самый младший из братьев Николай Дмитриевич, 1924 года рождения, не дожидаясь призывного возраста, ушёл добровольцем и тоже воевал до Победы. Войну, как и его старший брат Алексей, закончил под Прагой. Орденоносец, внесён в Книгу Памяти и славы Рязанской области. Похоронен в родной рязанской земле. Нет и моего деда Степана Степановича Черепякина – уроженца Тамбовской области. Вместе с другими работниками эвакуированного Ступинского металлургического завода приехал с семьёй на Урал. Он тоже добровольно пришёл в военкомат и был направлен на железную дорогу. Вначале работал кочегаром, потом – помощником машиниста: водил поезда от станции Синарская (ныне станция Каменск-Уральский) до Екатеринбурга, Перми на запад и до Омска – на восток. В войну было понятие «турная езда»: за тендером паровоза цепляли «теплушку», в которой жили члены локомотивных бригад во время их поездок. В разное время они ушли из жизни. Но часть их памяти осталась со мною. И тот отцовский осколок остался в моей памяти. Он всё чаще напоминает о себе, и мне подчас очень трудно жить с ним. Поэтому сегодня, может быть, слишком поздно, но я решился рассказать услышанное об их Войне. Пусть это будет попыткой вспомнить за тех, кто не написал свою книгу, попыткой вспомнить за отца ...

Городу Ленинграду

1

Война – от этой темы не уйду.
Пока живу – болею ей и брежу.
И с памятью по Ладожскому льду
«Дорогой жизни» вспять бреду в надежде

Что где-то здесь я встречу вдруг отца
Такого непривычно молодого,
И в том бою с ним буду до конца,
И раны сам перебинтую снова,

В полуторке сам отвезу в санбат,
С ним поплыву по Ладоге туманной...
А может мимо пролетит снаряд?
Не будет ран, машины санитарной?..

Да, чудеса бывают на войне.
Куда там сказкам разным вместе взятым.
Ах, если б наяву, а не во сне,
Вернулись все, кто не пришёл обратно!..

2

...Год сорок первый. Ленинград.
Чуть стих налёт артиллерийский,
Как тут же с воздуха бомбят
По расписанию, садистски.

На краснозвёздный самолёт –
По восемь – с чёрными крестами.
За Мгу и Тихвин бой идёт.
На сотни вёрст – огонь и пламя.

Блокадное кольцо фронтов
Петлёю захлестнуло город.
Снаружи – полчища врагов,
Враг изнутри – смертельный голод.

В тот самый страшный первый год
Никто судьбы своей не зная,
Хотел увидеть, как придёт
Заветный День и наше знамя

Внесут в поверженный Берлин.
И будет солнечное утро.

И на обломках ИХ руин
Напишет кто-то краской крупно:

«За Ленинград!». И на стволах
У пушек, танков в схватке боя
Та надпись всех уже звала:
Звала к Победе за собою!

3

Вдруг память как взрывной волной,
Швырнет безжалостно и слепо
В окоп по-мартовски сырой,
На ту войну, где даже не был.

Родную землю рвет снаряд
И лес оглох от канонады.
А за спиною – Ленинград,
«Дорога жизни» и блокада.

Одна винтовка на бойца,
Патронов – семь, и две гранаты.
Но вновь встают на шквал свинца
Полуголодные ребята.

Встают почти что пацаны:
Ведь им ещё не всем по двадцать.
Нет у войны другой цены –
За жизнь лишь жизнь должна сражаться.

И ртом, распухшим от цинги,
Кричит полуохрипший ротный:
«Вперёд! За Родину, сынки!»
Встают – в огонь прицельно плотный.

...С осколком в голове, отца
Везла полуторка к санбату –
В крови, в бинтах на пол-лица,
Всё рвался он в бреду обратно.

С осколком дожил до седин,
А в День Победы молча плакал
Солдат, оставшийся один
Из всех поднявшихся в атаку.

...Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:

Окоп по-мартовски сырой,
Прожектора кромсают небо,

Надсадно канонада бьёт.
К Победе путь ещё так долог.
...Мне жить спокойно не даёт
Застрявший в памяти осколок.

4

По рассказу моего попутчика
в электропоезде «Каменск-Уральский – Курган»
(май 1986 г.) о боях под Ленинградом в июле 1942 г.

«...С утра приказ был: наступать.
А пушки – с вечера в болоте.
Одним расчётам – не достать,
За помощью к кому? К пехоте.

Лицом к гнилой воде склоняясь,
Из топи тянем на сухое,
И под колёса, молча, в грязь
Сам лёг один, второй... Такое

Придумать даже – страшный грех:
Живые люди – вместо гати.
Я до сих пор их помню всех,
По смерть мне той высотки хватит...

И сходу: «По врагу – огонь!»,
Едва успели окопаться,
В ушах от взрыва жуткий звон –
И больше я не смог подняться.

Казалось, будто голова
Распалась сразу на две части,
И кровь лилась по рукавам,
Пока стянуть пытался каску...

Вот так закончил я войну:
Очнулся только в медсанбате.
Те пушки в каждом сне тяну...
Прости, сынок, вдруг сердце схватит» –

Тут мой попутчик замолчал,
Лишь дёрнул у рубахи ворот.
Вагон мотался, нас качал
На стрелках – мы въезжали в город.

И безымянный мой сосед
Ушёл с толпою пассажиров,
Пока готовил я ответ:
«Спасибо Вам, от всех, кто живы,

От всех, кого тогда спасли
В своём бою под Ленинградом»,
И имя не успел спросить,
Пока в купе сидели рядом.

... Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Я вижу свой окоп сырой,
Прожектора кромсают небо,

Подсумок, фляга на ремне,
Туман болот под Ленинградом...
Всю жизнь взрываются во мне
Не долетевшие снаряды...

Курсанты

На обратной стороне фотографии отца
надпись фиолетовыми чернилами:
«Полковая школа. Второй полк связи.
г. Ленинград. Зима 1940-1941 г.
Баров, Сергеев, Сычёв»

1

Глухая ночь. Все в доме спят.
Неслышно сны порхают стаей.
Был День Победы и Парад,
Светилась цифра «60»,
Гвардейской лентою сверкая.

В полнеба полыхал салют,
И пели песни фронтовые
От сердца, как сквозь боль поют
Тем, кто уже в другом краю,
Но кто для нас – всегда живые.

Их голоса, их кровь и боль
В виске пульсируют набатом:
Бессонной ночью снова в бой
Их память нас ведет с собой
От Дня в июне к Дню Парада.

2

Курсанты школы полковой,
Последний мирный выпуск летний.
Одним – окоп передовой,
Другим – в десант, блокада – третьим:

«Запас», «негодный к строевой»,
Учить ускоренно «морзянке».
Им хлеба в день – накрыть рукой,
Дрова – самим рубить в делянках.

А холод страшный – как назло,
Топор – кувалды тяжелее,
Бревно тянуть через сугроб:
Ознобный жар лишь тело греет.

А вечером – нелегкий путь
Наряда патруля дозором

С приказом на суровый суд:
Расстрел на месте мародеров.

Ни дистрофия, ни цинга
Вас в лихолетье не сломила:
«Хотя бы одного врага
Убить, пока подняться в силах!»

С тем уходили вы на фронт,
Не долечившись в медсанбатах.
Блокадный сорок первый год
Был шаг к Победе в сорок пятом.

3

Сергеев, Баров и Сычев,
И мой отец – он крайний слева.
Война не началась ещё.
Начался год лишь сорок первый.

Ваш снимок – как он уцелел
И на войне, и в годы после?
Что патефон тогда вам пел,
Уже не спросишь – слишком поздно.

Курсанты школы полковой,
Второй полк связи, выпуск летний:
Вдруг кто из вас ещё живой?..
Молчат. Нет сна в поре рассветной.

Их не вернуть из тишины.
Отец не сядет у постели...
Мы все – осколки той войны,
Что до сегодня долетели.

Ладога

С утра на Ладогу туман
Лёг белым пухом непроглядным.
Опять уходит караван
К Большой Земле из Ленинграда.

На белых флагах – Красный Крест,
Но лучше пусть туман не тает:
Ведь «мессер», взяв цель в перекрест,
Здесь никого щадить не станет.

Носилок, раненых – битком
На палубах. А в трюмах – дети,
От голода – белей бинтов:
За что им это лихолетье?

Все звуки остро ловит слух:
Лишь волны бьются в стены трюма.
Над палубой – тумана пух.
На барже – раненая юность.

Так тихо – будто уже тыл,
Как будто не вчера здесь выли
Чужие бомбы с высоты,
И взрывы солнца свет затмили.

Спасенья не было нигде,
И гарью пахло до удушья,
И сиротливо на воде
Качались детские игрушки.

...Доплыли. Сходу, спешно, в тыл
Грузились в санитарный поезд.
Но сколько тех, кто не доплыл,
Остались, Ладога, с тобою?

Войны короткий эпизод,
Где случай жизнь дарил вслепую.
И был июнь – шёл второй год
Сражений за страну родную.

23.02.1943 г. У деревни Чернушки

Посвящается памяти
А.М. Матросова, Г.П. Кунавина*,
всем воинам, закрывшим собой амбразуры,
всем защитникам Родины

В окопе – снег с землёю вперемешку,
А пахнет вдруг подснежником, весной.
Сто лет прожить неплохо бы, конечно,
Ну, а пока – покончить бы с войной.

Там, впереди, на склоне у высоты,
Зашёлся лязгом в ДЗОТе пулемёт;
И, кажется: из пуль весь воздух соткан,
Но я уже шепчу себе: «Вперёд!»

Распался миг на тысячи мгновений,
Мне ясно виден пуль слепой полёт,
И надо встать, да силы нет в коленях,
Но я уже сказал себе: «Вперёд!»

Ещё лежу, но в теле есть команда –
Стремительнее тока в проводах.
Я жить хочу! Но ведь кому-то надо
Перешагнуть через себя и страх!

С трудом от снега тело отрывая,
Я, вижу, как в кино, со стороны:
Уже ползу, свой автомат сжимая,
Среди какой-то странной тишины.

Но вот и ДЗОТ. И поздно на попятный:
Так близко вспышки выстрелов видны;
Что не дожил – пусть доживут ребята.
И дай им Бог вернуться всем с войны!

Рывком встаю, о пули ударяясь,
Лечу так долго на проклятый ДЗОТ,
Весною пахнет мать-земля сырая,
Да не ко мне весна теперь придёт.

Удар о землю. Выдыхая тяжело,
Я обнял ДЗОТ как друга – лучший друг.

...Из-за спины рвануло криком: «Сашка!..»,
А он лежал, не разжимая рук.

...Опять февраль, такой же озорной,
Поземку гонит, с ветрами танцуя,
Там, где бойцы вставали в смертный бой
За отчий дом и за страну родную.

У старых обелисков и крестов
Подчас уже и некому заплакать,
Но и сегодня, сколько новых вдов! –
Жён тех, кто под огнем вставал атаку

Не для браводы, не для орденов,
А просто по-другому не умели.
Над русскими просторами снегов
Поют о них февральские метели...

---

* Ефрейтор Григорий Павлович Кунавин 26 июля 1944 года в бою за деревню Харасимовиче, расположенную в пяти километрах восточнее польского города Домброва-Бялостоцка, своим телом закрыл вражескую амбразуру. Родился 8 (21) января 1903 года в селе Байны ныне Богдановичского района Свердловской области в крестьянской семье. Русский. Окончил начальную школу в посёлке Каменск-Уральский, ныне город Свердловской области. (По материалам сайта www.oblgazeta.ru)

Первый бой

«С 12 сентября ... в городе развернулись
ожесточённые уличные бои...»
«...Потери Красной Армии в Сталинградской битве
составили 1 млн 130 тыс. солдат и офицеров...»
(Из официальных источников)

...Он умирал. А рядом, бесполезный,
Лежал пустой, разбитый автомат.
Фашисты на этаж уже не лезли,
И грохот боя отступил назад,

Куда-то вниз, и стал почти не слышен,
И в голове стоял неровный гул,
И каждый миг казался долгим, лишним,
Срываясь в шёпот пересохших губ,

Который самому казался криком,
В слепой надежде повторявшим: «Пить!..»
Он не успел ещё к войне привыкнуть.
Как никогда ему хотелось жить.

Одежда на боку от крови взбухла,
И он не раз сознание терял.
В свой первый бой их взвод вступил под утро.
Кто жив, кто – нет, боец уже не знал.

Он умирал мучительно и трудно:
Свой первый бой закончивший солдат.
... У матери, не веря, шепчут губы
Вслед строчкам: «...сын погиб... за Сталинград»

Пора послевоенная

Пролог

А где-то ждали нас дороги,
Врывался свежестью сквозняк,
Плыл над землёю месяц строгий
И утомлённый спал барак.

Сирень всю благоухала,
Роняли звёзды небеса,
Рассветы вспыхивали ало,
Вскипала на траве роса.

Вставали павшие в атаки,
Ночной покой живых храня...
В послевоенном том бараке
Жизнь начиналась для меня.

С тех пор со мною неделимы
Барак послевоенных лет,
Россия – отчий край любимый
И детства алый тот рассвет.

1

Шестнадцать комнат с каждой стороны
Вдоль длинного сквозного коридора:
Построенный на третий год войны
Барак – мой первый в жизни дом, с которым

Я связан неразрывно, навсегда –
Не детством, а всей памятью своею.
Из всех разлук я прихожу сюда,
Где он стоял – и места нет роднее

На всей Земле среди прекрасных мест
С их дивными чужими чудесами.
Одно богатство я сочту за честь:
Родство с послевоенными годами.

2

Пора послевоенная – с бараками:
За счастье – комнатёнка для семьи,
Пусть стены в ней пока обиты дранкою,
А штукатурить их – жильцам самим.

В бараках магазины и столовая,
Родом и школа – трудный скромный быт.
Для многих даже родина здесь новая:
В войну с заводом в тыл пришлось отбыть.

Что ни семья, то – фронтовик: кто – раненый,
Кто – инвалид; над койкой – снимки в ряд
Родных мужчин – с надеждой-ожиданием:
А, может, жив кто и придёт назад?..

Как ближе к лету – разговоры страшные:
«По всем приметам – быть войне опять!»
По праздникам – столы с закуской вскладчину
И с бражкой: гулять – так уж гулять!

В разгар весёлой пляски с хлестким хлопаньем
По голенищам да под свист лихой,
Вдруг женский крик: «Ой, где ты сгинул, сокол мой!..»
Плеснётся обжигающей тоской...

3

А отпуск – обязательно с поездками
К родным в свой отчий довоенный дом:
В «пятьсот веселых» – с битвой за билетами,
С вагонами, набитыми битком,

Насквозь в пыли от дыма паровозного,
Четыре дня пути в один конец,
С знакомствами – простыми и серьёзными:
«Где воевал?», «Где ранен был, боец?»

Рязанские, тамбовские и курские
– Смешала вас военная метель! –
До боли в сердце – все родные, русские,
Уральские, сибирские теперь,

В другой земле схоронят ваши косточки,
Вдали от дорогих душе краёв.
Но до последних дней, последней ночечки,
Вы пронесёте к ним свою любовь...

4

Пора послевоенная – особая:
Хоть тень и след войны лежит на всём,
Под свист мальчишек птицы мира голуби
С утра взмывают в выси окаём.

Овчарки – на военной регистрации,
Госномер нужен на велосипед,
Но в клубе – вечера с оркестром, с танцами,
И модницы оделись в креп-жоржет.

В квартирах с теснотою коммунальною
Проходим поздним есть всегда ночлег,
Полным-полны столовые и чайные,
Но много инвалидов и калек.

Любой и день, и час – такие яркие,
И жизнь, как будто, началась с нуля:
С фундаментов домов, дорожек парковых,
Разбитых в выходной на пустырях.

Пора послевоенная – нелёгкая:
Куда ни глянь – на всем войны следы,
Как детство – недоступное, далёкое,
Мне с каждым годом все дороже ты!

** ** *

Дома в те годы строили войска.
Крушил лачуги лихо танк без башни.
Война для всех была еще близка,
Жила во всём в своем соседстве страшном.

Через поселок наш ходил стройбат:
От стройки – до ворот их Энской части,
А мы слетались стайкою галчат,
Со строем рядом шли, сияя счастьем.

Шли гордо дошколята-пацаны,
Рождённые в бараках, в коммуналках,
Шли как на самый главный бой войны,
Прижав к плечам оструганные палки.

Под песню взвода, перестроив шаг,
И, не жалея стареньких сандалий,
Шли в бой, где ждал нас ненавистный враг
На той войне, которой мы не знали.

Но знали точно: чей отец убит,
Чей – инвалид и чей кричит ночами
Как будто в танке до сих пор горит,
Сбивая пламя голыми руками.

И жгла обида как своя вина:
Нам слишком поздно выпало родиться.
Но если вновь обрушится война,
То отомстим за всё проклятым фрицам!

Побег

Памяти старшего брата моего отца
Михаила Дмитриевича Покидышева
посвящается

... Два дня уже мы с ним лежим в болоте,
А, кажется, – полжизни здесь лежим.
От голода и холода колотит,
И мысль одна: «Остаться бы живым!»

Я даже его имени не знаю,
А видел только номер на груди:
Собаки вслед захлёбывались лаем,
Лишь артоналёт помог от них уйти.

В пролом в заборе многие рванули.
Не всем тогда с побегом повезло:
Со всех сторон вдогонку мчались пули,
И вечер выпал светлый, как назло...

По горло нахлебались «Deutscher Ordnung»*.
В гнилой воде по горло, молча, ждём:
Вот-вот земля от русских танков вздрогнет,
Мы встретим их и вместе в бой пойдём...

Так и случилось... Мы ушли с десантом...
Потом я до Победы воевал.
А мой напарник – его звали Санька –
В боях за Краков смертью храбрых пал.

Я был наводчик. Он служил в пехоте...
Войну... Наш плен... Забыть бы наконец!
Но снится снова: мы лежим в болоте.
А в стороне – концлагерь Тростянец**.

И не хочу – но год за годом снится
Снарядами разломанный забор,
И до утра откормленные фрицы
Из автоматов бьют по мне в упор...

---

* Deutscher Ordnung (в им. падеже: Deutsche Ordnung) – немецкий порядок

** В лагере смерти Тростянец гитлеровцами уничтожено свыше 200 тысяч военнопленных и мирных граждан

День Победы

Детство голоногое моё!
Сколько счастья – просто быть мальчишкою:
Мы сегодня на парад идём!
Заводской АН-2 скользит над крышами:

С неба разноцветная метель
Засыпает улицы листовками.
Хочется взлететь или запеть.
Щеголяет детвора обновками.

Духовых оркестров разнобой,
От медалей – солнечные зайчики.
Золото знамён над головой
И шаров взлетающие мячики.

У подъезда фронтовик-сосед
Костылём стучит не в такт мелодии,
И багряно полыхает свет
На эмали боевого ордена.

Верится, что враг везде разбит
И победа навсегда за нами!..
Почему ж заплакал вдруг навзрыд
Инвалид, закрыв лицо руками?

...В кепке, в старом сером пиджаке,
До бела под мышками истёртом,
Выходил он посидеть в теньке,
«Козью ножку» свертывал с махоркой.

Не любитель много говорить,
Слушал шум двора и птичье пенье.
Не спеша сигарку докурив,
Шёл домой: все двадцать шесть ступеней

Без протезов – горькая нужда! –
Стиснув зубы, штурмовал раз в сутки.
И шутил: «Ну, летом – ерунда!
Вот зимой – в каких ходить обутках?»

В холод он и впрямь не выходил,
Видно прав: какой с него гулёна...
Тихо, незаметно рядом жил,
Ждал тепла, раз в месяц – почтальона.

Что он вспоминал? Последний бой?
Как без ног очнулся в медсанбате?
... Только умер, брошенный родней,
В богадельне, на чужой кровати...

А пока – он жив, и май опять:
Самый главный праздник для солдата!
В полный рост стараясь твёрже встать,
Как он в бой вставал не раз когда-то,

Посреди пятидесятих лет
Костылем победно салютует,
Будто вправду отыскал ответ:
Больше никогда войны не будет!

Детство промелькнувшее моё!
В День Победы – не унять тревоги –
Вижу: с костылями наотлёт
В полный рост встаёт солдат безногий!..

Монолог ветерана войны

Пусть нам говорят: «Что войну вспоминать?
Ну, было – и сплыло. Ушло без возврата».
Вернись время вспять, я б сорвался опять
На страшную ту, что досталась солдату.

Где горе повсюду в обнимку с бедой,
След в след, день и ночь, за тобою ходили.
Где те, кто сегодня остался живой,
Без слёз, стиснув зубы, друзей хоронили.

У каждой войны счёт потерям есть свой,
Свой враг и две даты: вчера и сегодня.
И если с войны я вернулся живой,
То долг мой святой – всех погибших в ней помнить.

Всех тех, кто остались в далёкой земле,
С ней кровью своею навек побратались.
Остались с войны «похоронки» семье,
Не каждому даже медали достались.

Лишь память святая не знает границ,
Уходит опять на сражение со смертью.
Не каждому в поле стоит обелиск,
Но каждый пред памяти высью бессмертен.

Там вписаны все, даже кто без имён
Легли в Диком поле, у речки Непрядвы.
И Воинской Славе от древних времён
Народная Память пусть будет наградой!

Книгу «Осколок в памяти» в полном объёме можно прочитать на странице «Книжная полка» по ссылке

http://literklubisety.ucoz.com/files/files2/oskolok_v_pamjati_odnim_fajlom_1.pdf

Рыжова Ольга Викторовна

Родилась 1 сентября 1966 года в Алма-Ате Казахская ССР. По образованию – журналист (филологический факультет Курганского университета).

Член литературных клубов «Поэтическая горница», «Сонет»

Стихи и Проза

Стихи

Ну, вот и кончилась война

Ну, вот и кончилась война.
Расправив плечи, шла Победа,
Непокорённая, одна,
В немом безмолвии рассвета.

Встречал Победу патефон,
Пластинки старые звучали.
На жизнь не жаловался он,
Стирая прежние печали.

И радовали: утра стынь,
Черёмух лопнувшие почки,
И правды горькая полынь,
Пусть от любимого ни строчки...

От счастья плакали берёзы,
Деревни, сёла, города.
Весенние смывали грозы
Обиду, гнев и боль стыда.

Расправив плечи, шла Победа
В объятья мирного рассвета.

25 апреля 2013 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2013
Свидетельство о публикации №113042506368

Он стоял один

(памяти советского солдата 22 июня 1941 года)

Он стоял один,
Много дней стоял,
Мира властелин,
Себя не щадил.

Всё смешалось здесь:
Небо и земля,
День и ночь. И крест
В небе вмиг исчез.

Пламя, камни. Кровь
По земле рекой...
Где он, родной кров?
Где она, любовь?

Мир и счастье, где?
С лета да зима.
Смерть, она везде...
Но зажглась звезда!

Пусть над ним горит,
Защищает пусть,
Память серебрит,
Превратив в гранит.

Он стоял один, много дней стоял.
Нет его давно – мир собой обнял...

23 июня 2013 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2013
Свидетельство о публикации №113062305720

У памятника

(к 70-летию Великой Отечественной войны)

Гроза и ливень, утра свежесть.
Разбужен долгожданный майский день
Победным маршем. Солнца нежность,
Прохлада, зелень листьев, полутень.
Объятия, улыбки, слёзы,
Молчания укор и разговор.
Ромашки, васильки и розы,
Георгиевской ленточки узор.
Победы стяг. Ты с нами, память!
Встречая день, звонят колокола.
Седой герой, воспоминаний пламя,
И золотом сверкают купола.
Глаза твои слезятся, старость...
Подарены гвоздики от ребят,
И повседневности усталость.
Ты вспоминаешь свой отряд
И до сих пор хранишь у сердца
Конверт и фото друга, этот бой.
Как задали в бою фашистам перца!
Но друга больше нет, а ты живой...

Цветной салют на небе для тебя,
Залп пушки в честь друзей погибших.
Гора цветов у вечного огня
И победитель в мраморе застывший...

18 апреля 2014 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2014

Свидетельство о публикации №114041807907

Уйти, чтобы вернуться вновь
(ко дню победы)

Уйти, чтобы вернуться вновь,
Растаять и опять воскреснуть
Там, где волнует память кровь,
Всё вспомнить и на год исчезнуть...

Блестит от слёз, горит звезда,
Звезда Победы. Праздник майский,
Согретый солнцем. Тишина
Кленовых листьев, солнца краски
И ленточек цветной узор,
И красное победы знамя.
Разбавлен майскою грозой
Победный день. Не за горами
Солдатской кухни аромат,
Компот, щи, гречневая каша,
В убранстве площадь и парад,
Салютом в небе память наша.

Не надо лишних праздных слов:
Во славе, в гордости окрепнуть,
Уйти, чтобы вернуться вновь,
Растаять и опять воскреснуть!

27 апреля 2014 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2014
Свидетельство о публикации №114042709202

Пять братьев

Моей прабабушке
Короткевич Домне Даниловне посвящается...

«Никто не забыт и ничто не забыто...»
В семье и мы память храним.
О, сколько слёз горьких солёных пролито!
Скорбим.

Пять братьев росли, двух сестёр защищая.
Июнь и под утро – война.
Вокзальный фонарь. Мать ребят провожала
Одна...

Брат старший Иван. Принесли похоронку,
Бедой постучался июль.
Мать плачет, у сердца сжимая иконку
Свою...

Второй брат танкист до Берлина дотопал,
Девятого мая сгорел...
Нет Павла, шумит в палисаднике тополь.
Удел.

Василий-артист третий брат. Он на фронте
Концерты давал для солдат,
Был ранен и умер... Все окна откройте!
Набат...

Четвёртый брат Лёня. Под городом Тулой
Ещё в сорок первом пропал...
Ему девятнадцать неполных лишь было.
Финал

И маленький Вова от голода умер,
Его не смогли прокормить...
Душа в небеса улетала бесшумно
Любить...

«Никто не забыт и ничто не забыто...»
Из золота память потомков отлита.

28 апреля 2015 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2015
Свидетельство о публикации №115042809086

Река Памяти

Горевала майская погода,
Дождь оплакивал ушедших-павших,
Не вернувшихся с боёв вчерашних,
Не увидевших финал похода...

Города моей большой России:
От Владивостока до Смоленска,
От Архангельска, Перми и Ленска
До Читы в молчании скорбили...

Памяти река так милосердна,
Разлилась неистово и гордо –
То в руках у миллионов твёрдо
Лица возрождённых, Полк бессмертных!

Не иссохла и не обмелела,
Только полноводней нынче стала:
От Печоры, Волги и Урала
До Амура годы одолела!

Мы живём и Память наша с нами
От сынов и дочерей – потомкам.
По крупицам соберём осколки,
Возрождая памятное пламя!

Полк бессмертных вечно с нами будет,
Не теряйте свою память люди!

10 мая 2015 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2015
Свидетельство о публикации №115051004578

Звезда Победы

Победы аромат витает
И мая дружного приход,
А новый век уже идёт
И годы бешено листает...

На лестничной площадке дома,
На дерматиновой двери
Звезда сияет и горит,
Лишь мне одной она знакома...

Жил скромно, бранный мир коптя,
Наш добрый ветеран с женою,
И только майскою весною
Блестели гордо ордена.

Борис и Женя, молодые,
Нашли друг друга на войне,
Соединили их тесней
Военные, сороковые...

В квартире ниже этажом
Детей двоих растили вместе,
И мне, тогда ещё невесте,
Утраты шок был не знаком...

Давно квартира опустела...
Как холод пережить потерь?
Всё та же лестница и дверь,
Звезда одна дожить сумела!

Но где же памяти предел?
Соседи новые в квартире,
Звезду Победы в этом мире
Никто закрасить не посмел!

24 апреля 2017 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2017
Свидетельство о публикации №117042407467

Тишина на поклонной горе

На поклонной горе тишина,
Тишина на поклонной горе,
Белым голубем памяти крест.
Эхом в небе злодейка-война,

Год за годом - вокруг тишина,
Только ветер качает траву,
Гнёт ковыль, навевая беду,
Красных маков течёт река...
В мае встреча друзей на горе
Боевых, горьких, страшных лет,
Сын, отец, брат и даже дед,
Слёзы радости редких встреч...

С каждым годом всё меньше их,
Тех героев военных лет,
На душе и на сердце след
Вечной памяти молодых,
Пожилых и совсем детей,
Офицеров и просто солдат.
Шрамы памяти ноют, болят,
С каждым годом болят сильнее...

Мы вас помним, и будем чтить,
И за вас будем жить и любить!

8 мая 2017 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2017
Свидетельство о публикации №117050810208

И снова май

И снова май (дедушке Воробьёву Василию)

И снова май. Я тороплюсь к тебе
В наш парк святой воистину Победы,
Где мирный шум, где дети-непоседы
С ладоней кормят сизых голубей,
Где на аллее славы скромно фото
Героев наших страшной той войны,
И снизу среди них взираешь ты,
Мой дед родной! Теперь моя забота –
К тебе гвоздики эти каждый год
Я приношу, как будто извиняюсь,
И в сердце боль заводится глухая,
С гор памяти лавины крупный сход...
Ты здесь давно, храним мы твой покой,
Ты всё, что мог, отдал Победе нашей,
Мы вас переросли и стали старше,
Вы молоды и снова рвётесь в бой...
Мой дед, спасибо за свободный мир
Без выстрелов, бомбёжек, русских гетто,
Без рабства и наложенных запретов,
Ты прожил жизнь, не посрамив мундир!

Грозою в небо майская весна,
Сегодня к вам особое вниманье,
Гул радости, природы ликование!
И снова май... Мирская тишина...

30 мая 2018 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2018
Свидетельство о публикации №118043008242

Фотография

(моему двоюродному деду Короткевичу Леониду Алексеевичу, пропавшему без вести под Тулой в 1942 году)

Фотография, вот и всё,
Что осталось от человека...
Эту боль мы с собой несём,
Не помогут лекарства, аптеки,
От неё не спасут врачи...
Почерк быстрый: «Не забывайте!».
Сердце плачет, в висках стучит,
Будто слышу твоё: «Прощайте...».
Девятнадцать всего тебе,
Ни любви, ни плодов науки
Не познал. За тебя в мольбе
Мать ломала больные руки,
Всё ждала, может, ты придёшь
И обнимешь, и рядом сядешь.
Барабанил осенний дождь
И горела луна лампадой...

Где лежишь ты, не знаем мы –
Бой был или в плену ты сгинул...
Не дожил до победной весны,
Только крик с небес журавлиный:
«Защитил нас и не подвёл!»
Фотография, вот и всё...

8 мая 2018 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2018
Свидетельство о публикации №118050809288

Не забудете – ЖИВОЙ (из цикла Письма погибших фронтовиков)

Майский день, опять весна,
В рамке старенькое фото.
И осталось, как всегда,
Недосказанное что-то...

Чуть за двадцать... Боже мой!
Вся Россия воевала,
Шла война сплошной стеной,
Шквалом и девятым валом...
Недосказанность во всём –
От мальчишки-непоседы
До солдата. Декабрём
В Крюково был бой, где не был...
Мины рвутся там и тут,
Автомат, как полоумный.
Два товарища умрут,
Ранен буду так бездумно,
Месяц-два в госпиталях
Провалюсь, и обратно,
И погибну на полях
За Отчизну. Мне понятно
Почему, зачем, за что.
Ни к чему твои вопросы.
Если надо, я готов
Умереть и кануть в россыпь,
В россыпь звёзд, что над землёй
Светят в мирном чистом небе,
Тёплой, дождевой водой
Выпаду я на рассвете...

Люди, вы всегда со мной
Над горами и лесами,
Сверху я смотрю за вами,
Не забудете – ЖИВОЙ!

4 апреля 2019 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2019
Свидетельство о публикации №119040408502

Маруся, здравствуй

(из цикла «Письма погибших фронтовиков»)

Маруся, здравствуй! Я пишу к тебе.
Мы на большом опять стоим разъезде,
Доверимся разлучнице - судьбе,
Ты не печалься о моём отъезде.

Пусть трудно, с непривычки тяжело,
Не ною – научусь, победа будет!
Кавалерист, держу в руках седло,
Осваиваю технику орудий...

Маруся, на письмо быстрее ответь,
Ведь почта ходит медленно, без толку.
Валюша, маму слушайся и впредь,
Учись, трудись. Война теперь надолго...

Не беспокойтесь, я здоров и жив.
Что с сеном, что с картошкой и с дровами?
Пусть немец грозен, важен и драчлив,
Мы победим, я буду снова с вами!

Здесь говорят «у тёщи не в гостях»,
Привет армейский шлю и закругляюсь,
И если вдруг погибну - в сыновьях
Всё воплотится, вас благословляю.

Маруся, здравствуй...

7 апреля 2019 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2019
Свидетельство о публикации №119040703350

Погода повернула на жару (9 мая посвящается)

Погода повернула на жару,
Дни майские, как летняя блокада,
Стих ветер, я в молчании замру,
Заноза в сердце и в душе надсада ...

Здесь Родина, надёжный, крепкий тыл,
Цветы на клумбах, алые наряды,
Наш город в ожидании застыл,
Скорбит и ждёт чугунная ограда,
Ждёт музыки, победный майский вальс,
Что раз в году весенний город кружит.
Прозрачную зелёную вуаль
Земля одела в окантовке кружев,
По площади идёт бессмертный полк –
Потомки не забыли, держат крепко,
Салюта в небо разноцветный столб,
Как между небом и землёю скрепка...

Погода повернула на жару,
Победный май по миру счастьем брызнет,
Стих ветер, я в молчании замру
И вспомню тех, кому обязан жизнью...

7 мая 2019 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2019
Свидетельство о публикации №119050703052

Ленточка

Святая ленточка –
То дым, то пламень,
Цвет пороха и цвет искристого огня.
Сирени веточки,
Победы знамя
Полощет ветер, капли памяти храня.

8 мая 2014 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2014
Свидетельство о публикации №114050809374

На аллее Победы

(бессмертному полку, нашим доблестным дедам)

Берёза тихо ветками шумит,
По парку ветер пробежал и скрылся,
Росою майской город наш умыт,
Поток людей речушкой заструился,
Речушкой мелкой, а затем рекой
Такою полноводною и сильной,
На каждом фото человек с судьбой,
Бессмертный полк под нашим небом мирным.

Кто молод был, а кто уже в годах,
А кто-то школу не успел окончить...
Война косила вас на всех фронтах,
И горе наше было только горче...
Но вы смогли в болотах и лесах,
В горах, степях, на море и на суше
Восстать за Родину и на своих плечах
Всё вынести, фашистский рейх разрушив!

Мы с вами вместе каждый год идём,
Плечом к плечу, с одержанной победой,
Вы верьте нам, и мы не подведём
Вас, молодых ещё на фото, дедов!

9 февраля 2020 год

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2020
Свидетельство о публикации №120020908260

Проза

Васька-китаец

Васька-китаец. Так в детстве дразнили моего дедушку, а все потому, что глаза у него были узкие, как у китайца... Я всегда хотела знать, почему у русского человека были такие глаза, да еще и кожа смуглая.

Родился Воробьев Василий Афанасьевич 31 декабря 1911 года на станции Енисейск Красноярского края, родом из чалдонов, коренных поселенцев, населявших земли Сибири между рекой Чалкой и Доном. Отсюда и такое название - чалдоны (чалдонцы). И сейчас по всей России можно встретить выходцев из Сибири, которые на вопрос о происхождении назовут себя чалдоном. В Новосибирске существует Государственный ансамбль песни и танца «Чалдоны». К антропометрическим особенностям этнической группы чалдонов относят: большую широколицесть, чем у представителей этнической группы славянских народов, желтоватый оттенок кожи (мама всегда жаловалась на свою желтую кожу, доставшуюся ей от отца), монголоидную узкоглазость в детстве (отсюда и прозвище «Васька-китаец»).

Окончил школу семилетку. С юности его отличали такие черты характера, как упрямство (в хорошем смысле этого слова – что задумает – сделает), добросовестность. И недаром Омскую пехотную школу имени Михаила Васильевича Фрунзе (сейчас Омское высшее общевойсковое командное училище) в 1930 году он окончил с отличием. Усидчивость, аккуратность, «твёрдая рука» помогли приобрести ему каллиграфический почерк, долгое время он служил при штабах картографом (чертил карты). Его очень ценили военные начальники.

Первые года службы лейтенанта Воробьева с 1930 по 1935гг. прошли в Новосибирской области в г. Татарске (там и родилась моя мама) в тайге. С 1936 по 1939гг. дедушка служил со своей (пока небольшой) семьей в гарнизоне в посёлке Иман (сейчас город Дальнереченск) на реке Иман на границе с Китаем. В то время китайцы часто «шалили», нападая на приграничные советские поселки, особенно «попадало» семьям военнослужащих. И в 1940г. дедушка был вынужден сменить место службы на г. Иланск Красноярского края.

Войну с Германией дедушкина семья (а в то время уже родился сын) встретила в п. Краскино Приморского края Хасанского района. Почти всю войну он служил на Дальнем Востоке, защищая нашу страну от Японии. Японские самолеты залетали на нашу территорию, их сбивали, а раненые японцы часто находились на лечении в наших госпиталях. Мама рассказывала, как они, любопытные ребятишки, бегали смотреть в госпиталь на японцев. Ещё ей запомнились глубокие траншеи, куда они прятались во время бомбежек.

В 1944 году Советский Союз решил освободить Северную Корею от оккупации Японии, тем самым развязав с ней войну. Дедушку вместе с семьёй направили в г. Пхеньян столицу Северной Кореи. До сих пор помнит мама разрушенные дома, где они часто находили японские разорванные карты, сабли, бинокли. В то время дедушка уже был майором. Страха мама не помнит, наверное, потому, что рядом был отец и такие, как отец, надежные сильные военные, преданные своей Родине, своему народу.

В 1946 году дедушка был направлен на учебу в Московскую Военную Академию. Семья жила в Солнечногорске в Подмоскowie. Место службы в 1950-1953гг. Смоляниново, Рязановка, Краскино Приморский край.

В конце 1953 года дедушка определил свою семью (в 1952 году родилась вторая дочь) на местожительство в город Алма-Ата, а сам вернулся в Северную Корею. В то время нужно было укреплять установленную в 1948 году 38 параллель (границу) между Северной и Южной Кореей. После этого ему присвоили звание подполковника.

В отставку Воробьев Василий Афанасьевич вышел в 1954 году в звании полковника. В г.Алма-Ата преподавал в машиностроительном институте на военной кафедре. В 80-х годах работал в сберкассе охранником. И кто бы мог подумать, что, будучи уже пожилым мой дедушка поможет защитить сберкассu от ограбления! В советское время старались не пугать простых людей и не писали в газетах об ограблениях, катастрофах и тому подобное. Этот случай с моим дедушкой часто вспоминала моя бабушка Воробьева Надежда Алексеевна. Получив удар по голове палкой, дедушка смог отогнать грабителей (их было двое) и вызвать милицию. Умер мой дедушка в 1994 году в г.Алма-Ата.

Награждён: орденом Красного Знамени, орденом Ленина, медалью за Отвагу, несколькими медалями за победу над Японией.

Мой сын помнит прадедушку строгим, молчаливым, но справедливым. Может поэтому и он выбрал профессию военного и не жалеет.

Милый дед, наш родной человек,
Жизнь твоя, лишь одно мгновенье...
Нам прожить бы так же свой век,
Не теряться за жизни дверью!

С уважением: Ольга Рыжова.

© Copyright: Ольга Рыжова 2, 2013
Свидетельство о публикации №113041408913

Глаза василькового цвета...

Почти каждую семью затронула Великая Отечественная война. Кто-то вернулся с поля боя инвалидом, а многие остались там навсегда. И часто бывало так, что найти место гибели солдата не представлялось возможным. Тогда его заносили в списки пропавших без вести. Некоторые, попавшие туда, пришли домой живыми и здоровыми. Судьба остальных не известна.

Вот и мою семью обожгло огненное дыхание этого страшного события в истории нашей страны, под названием ВОЙНА.

Моя бабушка рассказывала мне о своих братьях, а их у нее было пятеро: старший Иван, затем Павел, средний Василий, Леонид и младший Вовочка. Никого не осталось в живых: Иван погиб в первые дни войны, Павел-танкист сгорел в танке в Берлине 9 мая 1945 года, Василий, вернувшись с фронта раненым, быстро умер, Леонид пропал без вести, младший Вовочка умер еще в первые годы жизни, так как не было возможности его прокормить. Только осталась одна фотография, маленькая и неприметная.

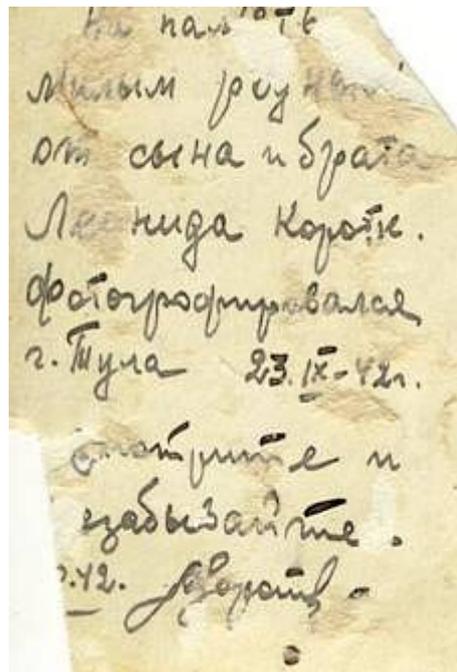

Фото Короткевич Леонида Алексеевича

Короткевич Леонид Алексеевич. Худое бледное лицо с правильными тонкими чертами, глаза живые восторженные, говорили, что они были у него василькового цвета. На этой фотографии ему 19 лет. После нее никаких вестей от Леонида не было, а потом пришла повестка, что Леонид Короткевич пропал без вести.

Наша семья долго его разыскивала, но всегда получала один ответ: «не значился». Мне так хочется рассказать о нем, каким он был, какие надежды подавал!

До войны Леня отличался крепким здоровьем и разносторонними интересами. Все ему давалось легко и с радостью. В интернете я нашла станцию Енисейск, где родился и вырос Леонид, теперь это пригород Красноярска. И еще мне удалось найти знаменитые

красноярские столбы (скалы) и один из них называется Дед. По рассказам бабушки это было любимое место, где «Леня лазил».

Может быть, поэтому в лыжном спорте на станции Енисейск ему не было равных. Особенно ему удавались прыжки с трамплина с высоты 9-ти этажного дома. В длину он пролетал на 70 метров, а ведь это было до войны. Сейчас прыгают на 100 с лишним метров. И в рисовании Леня делал успехи, это заметил его учитель рисования. К нему выстраивалась большая очередь. Вся станция желала, чтобы Леня запечатлел каждого жителя на портрете карандашом. На трубе играл и получалось. Ни один концерт не обходился без его знаменитой трубы!

Искушения... Они подстерегают нас на каждом шагу. И как тяжело порой отказаться, не сбиться с пути. Вот и Леонид не стал исключением. Три товарища решили украсть ценную «штучку» в то время – патефон. И попались. Им было по 17 лет. И сразу в колонию. Через несколько месяцев началась война. Все говорили, что Леонид в штрафбате, «смывает кровью» свою вину перед Родиной.

Много интересного узнала я о штрафбатах (хотела найти, где, в какой части служил мой дедушка). Приказ №227 от 28 июля 1942 года более известен по неофициальному названию - «Ни шагу назад!». Тем летом войска вермахта прорвали нашу оборону и устремились к нефтеносным районам Кавказа и к Сталинграду. Отступление частей Красной Армии зачастую превращалось в паническое бегство. И Сталин приказал остановить вражеское наступление любой ценой. Власть прибегла к самым жестоким мерам: убегающих с боевых позиций встречал огонь заградительных отрядов.

Формировать штрафные батальоны начали под Харьковом, но в результате отступали до Сталинграда. Может здесь и погиб мой дедушка? Фотография датирована сентябрем 1942 года.

Кто же попадал в штрафные батальоны? Поработав с литературой и пообщавшись, конечно через интернет, с людьми, служившими в штрафбатах (их осталось, как и всех ветеранов ВОВ очень мало), я поняла, что мои знания и убеждения были ложными. Все мифы тут же рассеялись.

В архивных документах НКВД говорится, что за все годы войны исправительно-трудовые лагеря и колонии досрочно освободили и передали в действующую армию более 1 миллиона человек. Из них только 10% были направлены в штрафники. Большинство же пополнили обычные линейные части. По приказу № 227 в штрафбаты направляли только «средних и старших командиров и политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости». Эти батальоны насчитывали до 800 человек. А рядовых бойцов, сбежавших с поля боя, ссылали в штрафные роты (численность 150-200 человек). Командовали штрафбатами кадровые офицеры. И они получали особые льготы - выслуга месяц за полгода, ускоренное продвижение по службе и повышенный денежный оклад. В штрафбатах соблюдали переменный состав (собственно штрафники) направлялись в батальон на срок от одного до трех месяцев. Это были обычные стрелковые формирования с легким вооружением - винтовками, автоматами. Чаще всего их направляли провести разведку боем, чтобы выявить огневые точки противника, взять штурмом высоту, захватить «языка» и т. п. Что же касается "более трудных участков", то на войне легких и неопасных боевых задач не бывает... Штрафники и гвардейцы бок о бок стояли насмерть. И кому здесь было труднее, кто больше положил жизни во имя грядущей Победы, ответить, пожалуй, никто не возьмется. Штрафбаты оказались исключительно стойкими и боеспособными. Срок в

штрафбатах заканчивался либо по времени, либо если солдат искупил свою вину кровью, то есть был ранен. Причём степень ранения не учитывалась. Вот и мой дедушка был ранен и, наверное, вернулся бы домой, если бы...

Единственная фотография из г. Тулы, а может здесь и сложил свою голову Леонид Короткевич? В жестоких оборонительных боях в Подмоскovie и под Тулой в октябрь-ноябре 1941 года немецко-фашистские войска были обескровлены и утратили свой наступательный порыв. Битва под Москвой стала первым крупным поражением гитлеровских войска.

Как тяжело ничего не знать и в то же время, как легко. Ведь тогда в любом месте, где воевали штрафбаты, можно склонить голову и вспоминать своего дедушку. Я нашла фотографию г. Тулы 1942 года. Может в каком-нибудь домишке того времени и находилось это фотоателье, где фотографировался Леонид...

И сейчас, хотя фотография черно-белая, Леонид смотрит на меня своими васильковыми глазами и как будто говорит: «Неважно, что я так и не стал ни спортсменом, ни художником, ни музыкантом. Вы помните меня и этого достаточно. Вы не забыли всех нас, погибших за вас. И за это вам СПАСИБО!».

День святой.
Солнце майское.
И ни тучки на небе нет.
Ты со мной,
Ветер ласковый,
Но в душе страшный след,

Мы склоняем
Пред вами головы,
Ветераны той долгой войны.
Мы теряем
Кусочки памяти,
Добавляется чуть седины.

Как нам Вас
Порой не хватает:
И советов и добрых слов.
Уходя от нас,
Так бывает,
Вы уносите память эпох!

Шар земной
Как положено, вертится,
Звёздной пыли сдувая след...
День святой.
Солнце майское.
И ни тучки на небе нет.

Я помню тебя мой дедушка, и наши дети помнят,
и внуки будут помнить, мы постараемся! Спи спокойно! 9 мая 2012 года

Бажина Светлана Георгиевна

Родилась 9 декабря 1962 года в Кургане.
Поэтесса, журналист (заочное отделение факультета журналистики Уральского
госуниверситета имени М. Горького в Свердловске).

Член Союза Журналистов СССР (ныне России)

Стихи

Похоронка

Она была совсем девчонка,
В ее душе цвела весна.
И весть - разверзшейся воронкой:
«Война!» Проклятая война!

Не налюбились, не женаты,
Ушел пацан в военкомат,
С ней попрощался виновато
Безусый худенький солдат.

Потом – почтовые ступеньки,
Письма короткого квадрат,
И точный адрес деревеньки,
Где вечным сном уснул солдат...

Ни у кого не хватит силы
Считать убитых на войне.
Таятся братские могилы,
И нет фамилий на стене...

***

Купала женщина ребенка,
А сердце прыгало в груди -
Идет проулком почтальонка.
«Не проходи!.. Нет, проходи!

Не дай увидеть страшных строчек:
«Ваш муж в бою погиб...» Убит!
Вон тетка присланный комочек
У сердца бережно хранит.

Омыт конверт слезами горя,
И меж потеками чернил:
«Пал смертью храбрых...» дядя Боря,
Геройски голову сложил...

Но почтальонка – на пороге.
«Ваш муж в разведке, под огнем...»
Где та тропа или дорога?
Пропал каким далеким днем?

Нет от пропавшего следочка.
«Не найден... Значит, где-то?.. Жив!?»
И пишет всюду ваша дочка,
Ведет свой собственный архив.

***

И в нашем доме - «похоронка»,
В тверской земле лежит мой дед.
Не обошла меня сторонкой
Война, оставив горький след.

Из прошлых лет - листок примятый,
Теперь он мой, им дорожу.
И понимаю - память свята,
В руках историю держу:

Четыре месяца всего-то,
Всего-то маме!.. Шли года...
А от отца её нет фото,
И встреч не будет никогда...

***

За обездоленных девчонок -
Сирот лихого бытия,
За вас - ровесниц «похоронок»,
За вас болит душа моя.

Того, что слышу из беседы,
Не пожелаю никому.
Как приближали вы Победу,
Известно Богу одному.

Пред вам голову сердечно
Склоняем, дочь, жена и мать!
Вы победили! Бесконечно
Нам ваши руки целовать!

© Copyright: Светлана Бажина, 2015
Свидетельство о публикации №115040303261

Тряпочный клоун

Бабка Августа умерла.
Век скреблась. Характер таков.
Отлетела, бросив дела,
В девяносто с лишним годков.

Собрались соседи, родня,
Поминали в солнечный день.
И щеколда ныла, звеня,
На калитке, с нею - плетень.

Без хозяйки кончился рай,
Деревянный сгорбился храм.
Разбирали бабкин сарай,
Ворошили отжитый хлам.

Коромысло, козлы для дров,
Ведра, грабли, ржавый утюг,
И еще открыли засов.
Там, под сеном, - старый сундук.

Раскраснелась бабкина дочь...
Тут шинель отцова, пимы.
А снегов-то минуло прочь
С той военной лютой зимы!

Вот на дне прикрыт рушником
Клоун тряпочный, пуговкой нос.
И у горла вздыбился ком.
Это - ж папка с фронта привез!

***

Он пришел с войны без ноги.
Мать рыдала: «Петя, живо-о-о-й!»
«Будем, Гутя, вот сапоги
Экономить. Полно! Не вой!»

Сыновья повисли на нем.
А потом – подаркам черед.
Где нашел он их под огнем
В сорок третий памятный год?!

Дочке малой - клоун смешной,
Из цветных пошит лоскутков.
Обняла покрепче «Ты – мой!»
Счастья было - до облаков!

Берегла его много лет,
Согревала детским теплом.
Улыбался клоун в ответ,
С ним уютней казался дом.

Стал отец колхоз подымать,
Председатель и счетовод.
А потом давай «поддавать»,
Костылем махать у ворот.

Мать ругалась: «Петя, уймись!
Больно с клоуном стал ты схож!
Надоела мне эта «жись».
Что мне толку-то с пьяных рож!»

«Я был конюхом комполка!
Я – герой, а не клоун, мать!
И в селе нас два мужика,
Так что будь любезна молчать!»

Ухватил игрушку и в печь!
«Папа!» - к топке кинулась дочь,
Надо клоуна уберечь!
Надо срочно ему помочь!..

***

Так, замкнулся семейный круг,
Ах, какая здесь тишина!
И свежи показались вдруг
Детство, дом родной и война.

«Клоун рыжий, пуговкой нос,
Мы вдвоем – вот и вся семья.
Задаешь безмолвно вопрос:
Как тебя позабыла я?

Ну, прости, заберу с собой,
Станем в городе вместе жить.
Мой бедняга, хороший мой,
Будем вечно с тобой дружить».

Горошина

Тихо на сельском кладбище.
На лавке - сухонький дедушка.
На свежей могиле – ландыши,
В траурной рамке – девушка...

***

- Мы звали её Горошиной,
Маленькую и курносую.
Смущалась моя хорошая
Девчонка русоволосая.

Её привезли в сорок третьем
В «полуторке» прямо в дивизию.
Случайно взглядами встретились,
Мы разгружали провизию.

Худышка с глазами чистыми
Чуть больше барана весила...
А утром был бой с фашистами,
В поле – кровавое месиво.

Откуда она вдруг вылезла?
Страшно! Но делать нечего:
Так, медсестричка вынесла
Троих нас на хрупких плечиках.

Спасибо моей Горошине!
Ранение было плёвое.
Выжил. Поклялся: не брошу я
Счастье моё бестолковое.

Так бы лежать мне во поле,
Если б не сердце бравое...
Вместе к Берлину топали,
Бились за дело правое...

Привез я свою Горошину
В дом, где жили родители.
Нас встретили по-хорошему,
Были с ней обходительны.

Мать мне - на ушко: «Славная!»
Батя - жалеючи: «Крошечка...»
Только бы, самое главное,
Ей попривыкнуть немножечко.

Она – городская дамочка.
Ехать в деревню стоило?!
Жила вдалеке от мамочки,
Труд крестьянский освоила.

Трех сыновей мы подняли,
Жили в любви, в согласии.
Время промчалось, поняли:
Только над смертью не властны мы.

Жалко мою хорошую...
Частый здесь гость. Грех обидеться.
Ты не скучай, Горошина,
Скоро судьба нам свидеться...

***

Я возвращалась уверенно
К жизни реальной, нынешней.
Лес... Земляники не меряно.
Насобирала в пригоршню.

Шла по траве нескошенной
В вечности и безмерности.
Шла из чужого прошлого,
Будто с урока Верности.

Калека

Из рассказа
пожилой женщины

На нашу станцию состав
Пришел как раз под майский вечер.
И, точно всех поцеловав,
— Победа! — огласил диспетчер.

С теплушек прыгали бойцы
На землю юности и детства,
Везунчики и удалцы.
И никуда от слёз не деться!

И вдруг два парня, не спеша,
К перрону вынесли солдата.
Вспорхнула мамкина душа
И тут же сжалась виновато.

Попричитала: "Мой родной!"
Смахнуть слезинки отвернулась.
Давно смирилась: век одной
Ей жить. Да счастье улыбнулось.

Полгода не было вестей.
Соседки каркали: "Вдовица..."
Меня бы не было у ней,
То впору — взять и удавиться...

Письмо в конверте небольшом
Ей почтальон доставил в среду.
И на листке карандашом
Муж написал: «Любаша, еду!»

***

Я помню запах табака
На всю избу, что глазу едко.
Чужим отец мне был пока,
А он позвал: "Не бойся, детка!

Варюха, я же папка твой.
Привез чуток гостинцев с фронта,
Часы с кукушкой... Только бой
Немного требует ремонта".

И радость вспыхнула моя,
Хочу взобраться на колени,
А вместо них – кусок тряпья...
Таким я помню возвращенье.

Как крылья горного орла,
Взметнулись выжившие руки,
Обняв меня. И тут дала
Мать слёз. Соскучилась в разлуке.

Попозже, баню натопив,
Отца упёрла на закорках,
Кваска на каменку налив,
Затеяв веничками «порку».

Я разглядела ордена
На гимнастерке потной, пыльной.
Вернула папку мне война,
Побила только очень сильно.

***

Пришли отцовские друзья,
С кем гнул он горб на пилораме.
"Бедняга!" – слышно от бабья.
Но не понять — отцу иль маме.

«Доброжелатели» нашлись,
Охочие до женских юбок.
Шептали: «Девке спортишь жизнь!
Зачем ты нужен ей, обрубок?!»

А мамка павою плыла
И ничего не замечала.
И патефонная игла
Дорожку чиркала сначала.

Плясали гости дотемна
И про «землянку» громко пели.
Спросив про раны, ордена,
Опять же пили, снова ели.

